

Соломенные люди

Автор:

Майкл Маршалл

Соломенные люди

Майкл Маршалл

Звезды мирового детектива Соломенные люди #1

Уорд Хопкинс, бывший агент ЦРУ, потрясен страшным известием: в автокатастрофе погибают его мать и отец. Он уже почти смирился с ударом судьбы, когда вдруг обнаруживает в кресле отца тайник с запиской: «Мы не умерли». Затем в руки к нему попадает загадочная видеозапись. Тогда-то он впервые и слышит фразу о «соломенных людях». Тем временем в разных местах страны пропадают четырнадцатилетние девочки. Похищения объединяет одно: всякий раз похититель подбрасывает родителям свитер пропавшей дочери, на котором вышито ее имя. А вместо ниток используются волосы жертвы. И опять в связи с каждым из преступлений всплывает это странное выражение: «соломенные люди».

Майкл Маршалл

Соломенные люди

Michael Marshall Smith

THE STRAW MEN

© К. П. Плешков, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Джейн Джонсон

Мы пришли слишком поздно для богов, но слишком рано – для Бытия.

Поэзия Бытия лишь только началась, и это – человек.

Мартин Хайдеггер. Поэзия, язык, мысль

Палмерстон, Пенсильвания

Палмерстон – небольшой городок, ничем не выделяющийся среди тысяч других. Он просто стоит себе, словно вежа на дорожной обочине. Как и у всех подобных ему городков, у него есть прошлое и было когда-то будущее. Но сейчас все его будущее свелось к тому, чтобы становиться все более пыльным и сонным, все дальше отклоняясь от магистральных путей истории – словно старый кран на конце проржавевшей водопроводной трубы, которая когда-нибудь прохудится настолько, что даже капля воды не доберется до него никогда.

Городок расположился на берегу реки Аллегейни, в тени высоких холмов, а чтобы пересчитать в нем все деревья, потребовалось бы немало времени и желания. Когда-то неподалеку, по другому берегу реки, проходила железнодорожная ветка, но в середине семидесятых станцию закрыли и большую часть рельсов убрали. Сейчас от нее не осталось ничего, кроме воспоминаний да нескольких экспонатов в заброшенном музее, который даже школьники теперь почти не посещают. Время от времени туда заглядывают немногочисленные туристы, с удивительным безразличием глазают на тусклые фотографии давно умерших людей, а затем вновь забираются в свои машины и отправляются дальше, стараясь наверстать упущенное.

Хотя с тех пор прошло уже тридцать лет, старожилы (а старожилами в Палмерстоне с гордостью себя называют все) до сих пор ощущают отсутствие железной дороги, словно ампутированную конечность, которая порой напоминает о себе болью. Одни вспоминают петиции и городские собрания, наклейки на бамперах и сбор средств; для других перемены прошли тихо и незаметно, воспринятые словно часть исторического процесса, следующего своим путем.

Будь городок чуть крупнее и оживленнее, заросшие рельсы могли бы стать подходящим местом для наркоторговцев или грабителей. Но в Палмерстоне там в основном прогуливаются по выходным родители, показывая детям птиц и деревья; а несколько лет спустя на том же месте те же самые дети делают уже друг другу детей, меняя тем самым одни жизненные ограничения на другие.

Городок построен вокруг т-образного перекрестка, форму которого несколько нарушают боковые улицы, будто не уверенные в собственном предназначении. На прямой дороге располагаются несколько бензоколонок, автомобильная мойка, видеомагазин, два маленьких мотеля и мини-маркет, где можно купить дешевые диски с записями хитов Оркестра Маршалла Такера. На перекрестке стоит старая деревянная церковь с облупившейся краской, но до сих пор выглядящая достаточно живописно на фоне холодного голубого неба. Поворот направо ведет прямо через холмы, в сторону штата Нью-Йорк и Великих озер.

Если свернуть налево, направляясь на запад по шоссе номер шесть, чтобы взглянуть на реку Аллегейни – а это, собственно, единственная причина для того, чтобы проехать через город, – вы попадете на Мэйн-стрит. Здесь разместилось несколько банков и магазинов: первые – с зеркальными, защищающими от взглядов окнами, вторые – с витринами, явно нуждающимися в мытье. За слоем пыли и грязных разводов выставлены предметы старины, имеющие весьма сомнительную давность, и есть все основания предполагать, что потребуется еще немало времени, чтобы ценность их стала реальной. Есть два маленьких кинотеатра, один из которых пытался десять лет назад показывать артхаусное кино и в итоге закрылся ввиду крайне малой посещаемости и так больше никогда и не открылся. Второй до сих пор верно следует в фарватере поп-культуры, кормя несбыточными мечтами любителей попкорна. На южной стороне улицы, окруженный высоким забором, стоит прекрасный дом в викторианском стиле. Уже несколько лет в нем никто не живет, и, хотя большинство окон целы, краска с него облезла еще сильнее, чем с церкви, а часть досок начала расползаться.

Если вы голодны, есть все шансы, что вы окажетесь в «Макдоналдсе» чуть дальше по улице, рядом с музеем железной дороги. Впрочем, там оказываются многие. Палмерстон – не такое уж плохое место. Городок этот мирный, люди в нем дружелюбны. Тут редко случаются преступления, а неподалеку находится лесопарк Сасквеханнок. В Палмерстоне можно родиться, вырастить детей и умереть, не ощущая себя в чем-то обделенным судьбой.

Обычно здесь не происходит ничего особенного.

Днем тридцатого октября 1991 года в «Макдоналдсе» было полно народу. Свободных столиков почти не осталось, а к прилавку тянулись четыре очереди. Две маленькие девочки, четырех и шести лет, пришедшие с матерью, шумно требовали чикен-наггетов. Все остальные почтительно разглядывали меню.

В зале присутствовали трое не местных – выдающийся день для туристической индустрии Палмерстона. Один из них, мужчина средних лет, в костюме, расположился за столиком в углу. Его звали Пит Харрис, он возвращался в Чикаго после долгой и во многом его разочаровавшей деловой поездки. С того места, где он сидел, была видна итальянская башенка викторианского дома. Задумчиво жуя, Харрис удивлялся, почему никто до сих пор не заявил своих прав на дом и не отремонтировал его.

Остальные двое, пара английских туристов, по случайности оказались за соседним столиком. Марк и Сюзи Кэмпбелл пожертвовали завтраком ради того, чтобы проехать поутру несколько сотен миль, и основательно проголодались. Они рассчитывали на живописный ресторан, но, медленно проехав через весь город, в итоге оказались здесь. Сперва их несколько встревожило, но затем даже обрадовало, что местный житель, сидевший рядом, решил с ними заговорить. Его звали Трент, он был высокого роста, лет сорока, с медно-рыжими волосами. Услышав, что они уже несколько дней едут от побережья до побережья, он одобрительно кивнул – словно ему сообщили о чем-то таком, что он прекрасно понимал, но не имел никакого желания предпринимать сам, наподобие коллекционирования спичечных коробков, или скалолазания, или хождения на работу. Он имел общее представление об Англии, был знаком с ее богатой историей и процветающей индустрией рок-музыки – и то и другое представляло для него несомненный интерес.

В конце концов разговор иссяк, сев на мель. Сюзи ощутила легкое разочарование: беседа со случайным знакомым забавляла ее. Марк был занят своими мыслями: он намеревался пройтись по магазинам. В гостинице, где они провели прошлую ночь, бармен некоторое время блуждал по радиоволнам в поисках чего-нибудь погромче. Случайно он наткнулся на станцию, передававшую классику, и на короткое восхитительное мгновение по бару поплыла мелодия баховских «Вариаций Гольдберга». Перед внутренним взором Марка возникла картинка затерянной высоко в горах радиостанции, где сидит одинокий человек, забаррикадировавший дверь от орд, вооруженных до зубов записями Гарта Брукса[1 - Гарт Брукс (р. 1962) – американский рок-певец, выступающий в стиле кантри. – Здесь и далее примеч. ред.]. Музыка Баха продолжала звучать в голове Марка в течение последующих часов слащавых баллад, сравнивающих недолговечность супружеских уз с лебединой верностью, и ему хотелось купить диск и послушать его в машине. Однако в Палмерстоне не было магазина классической музыки.

К Тренту вскоре присоединилась компания вялых и непривлекательных подростков. И, как подслушала Сюзи, оказалось, что он убеждает молодых людей помочь ему убрать большую кучу грязи возле его трейлера, у старой железной дороги. Так и осталось неясным, откуда взялась эта грязь и почему ее вдруг понадобилось убирать. Парнишки, что вполне естественно, интересовались платой за работу, и она была им предложена в виде ящика пива. Поскольку до законного права покупать спиртное всем им оставалось еще как минимум года три, предложение было с готовностью принято. В ожидании, пока Трент покончит со своими гамбургерами, они бродили вокруг, обмениваясь дружелюбными ругательствами и фантастическими предложениями, что обычно составляет главную тему в разговорах мальчишек. За это время стало ясно, что, несмотря на футболки с рисунками на тему серфинга, в которые было одето большинство из них, никто серфингом никогда не занимался, большая часть никогда не бывала за пределами штата и лишь один хотя бы видел море.

Слушая все это, Кэмпбеллы начали понимать, сколь выдающимся был сам факт, что они – по некоей прихоти, пришедшей в голову одним пьяным вечером, когда они сидели в пабе за шесть тысяч миль отсюда, – решились пересечь от края до края огромную чужую страну. Ощущая гордость и благоговейный страх перед величием собственного предприятия, они задумчиво потягивали кофе, потратив на это, возможно, на пять-шесть минут больше, чем обычно. Не будь этой задержки, к 12:50 они уже были бы за дверью. И самое позднее в 12:56 – уже в пути. К этому времени Сюзи была бы готова выкурить сигарету, что запрещали здесь делать таблички на стенах – легко читаемые фразы и узнаваемая во всем

мире пиктограмма. Пит Харрис никуда особо не торопился и, так или иначе, остался бы тут, продолжая разглядывать дом и размышляя, сколько он мог бы стоять, хотя прекрасно знал, что даже если бы и сумел накопить нужную сумму, его жена употребила бы ее на что-нибудь другое.

В 12:50 посреди ресторана раздался женский крик.

Это был короткий возглас, просто чтобы привлечь внимание. Люди машинально расступились, образовав свободное пространство в центральном проходе. Стало ясно, что причиной всему двое мужчин, один – лет восемнадцати, второй – лет двадцати пяти, оба в длинных плащах. У того, что постарше, волосы были светлые и короткие, у того, что моложе, – более темные и длинные. Вскоре выяснилось также, что оба вооружены полуавтоматическими винтовками.

Освещение в зале неожиданно словно вспыхнуло ярче, звуки стали неестественно чистыми и холодными, будто кто-то вдруг сдернул некую завесу. Когда вы сидите в «Макдоналдсе» в обеденное время, ожидая, когда остынет ваш кофе, и вдруг понимаете, что с ясного голубого неба опустилась ночь, время словно замедляется, и вы начинаете воспринимать окружающее с необычайной отчетливостью. Так же как и долгая секунда перед ударом во время автокатастрофы, эта пауза ничем не может вам помочь. Это не путь к спасению и не дар от Бога. Единственное, на что у вас остается шанс, – это встретить смерть и удивиться, почему она так медлит.

Один из подростков в компании Трента успел лишь ошеломленно произнести: «Билли?» – а затем двое начали стрелять.

Стоя в центральном проходе, они спокойно и быстро сделали по выстрелу, надежно прижимая к плечам приклады своих винтовок. Когда первую жертву отбросило назад с выражением безмолвного удивления на лице, оба продолжили стрелять, сосредоточенно и размеренно, словно стараясь продемонстрировать некоему высшему руководству, что они достойны подобной работы и прилагают все усилия к тому, чтобы с честью ее выполнить.

Когда миновала секунда и еще двое расстались с жизнью, все, кто был в ресторане, в ужасе бросились к выходу. Время вновь пошло с нормальной скоростью, раздались крики. Люди пытались бежать, или спрятаться, или

выставить перед собой других. Некоторым удалось прорваться к дверям, но стволы тут же повернулись в их сторону, и пули уложили беглецов на месте.

Направление огня переместилось туда, где сидели приезжие. Марк Кэмпбелл получил пулю в затылок почти в то же самое мгновение, когда лицо его жены разлетелось кровавыми клочьями по паутине трещин в окне из закаленного стекла, остановившего полет обеих пуль. Еще через несколько секунд смерть настигла Трента, в отчаянии пытавшегося вскочить на ноги в бесплодной попытке броситься на стрелявших. Мало кому хватило самообладания, чтобы последовать его примеру, а те, кто попытался, умерли столь же быстро. Два ствола повернулись практически одновременно, и это было последним, что успели увидеть несостоявшиеся герои, прежде чем пули оборвали их жизнь.

Большинство посетителей пытались бежать, вырваться из этого кошмара. Попытался бежать вице-президент страховой компании Бедлоу, так же как и его крайне неумелый помощник. Попытались бежать двенадцать школьников – и в итоге преградили друг другу дорогу. Многие обнаружили, что запутались среди тел раненых, и, неуклюже раскинув руки и ноги, падали под ударами пуль. Те, на чьем пути не было препятствий, умирали на бегу, ударяясь о столы, стены и прилавки, за которым сжалась в комок оставшаяся в живых кассирша, не осознавая, что лежит в луже собственной мочи. С этого места ей видны были дергающиеся ноги Дуэйна Хиллмана, парня, с которым она совсем недавно гуляла вдоль железной дороги. Он оказался вполне симпатичным и предложил воспользоваться презервативом. Поскольку она знала, что его не только застрелили, но он еще и упал, держа в руках поддон с кипящим маслом, у нее не было никакого желания на него смотреть. Она надеялась, что, если вообще ни на что не будет смотреть, а станет совсем маленькой, может быть, все обойдется. Чуть позже шальная пуля пробила прилавок и попала ей в позвоночник.

Некоторые даже не пытались бежать, а лишь продолжали сидеть на своих местах, широко раскрыв глаза и расставшись с собственной душой еще до того, как пули вонзались в их легкие, промежности и животы. Одна женщина, у которой недавно обнаружили тот же рак, что медленно убил ее отца, возможно, видела все происходящее не столь мрачно. Хотя на самом деле молодой врач в больнице, которому она не слишком доверяла, потому что он чем-то напоминал ей злодея из ее любимого телешоу, вполне мог бы ее спасти, если бы она осталась жива и последовала его советам.

У остальных не было подобных причин сохранять спокойствие. Они просто сидели, не в силах пошевелиться, пока не лишились возможности самостоятельно решать свою судьбу.

В помещении, полном трупов, убийцы походили на богов. Они продолжали стрелять, меняя направление и поливая огнем очередной угол зала. Время от времени они перезаряжали оружие, но никогда – одновременно. Они действовали быстро и умело и не произнесли ни слова.

Из пятидесяти девяти человек, находившихся в этот день в «Макдоналдсе», лишь тридцать один услышал умолкающее эхо последнего выстрела. Двенадцать из них умерли еще до заката, увеличив число жертв до сорока. Среди выживших оказалась девушка, прятавшаяся за прилавком, которая так и не смогла больше ходить и стала алкоголичкой. Выжила и одна из маленьких девочек. Ее забрала к себе тетя из Айовы, и дальнейшая жизнь ее сложилась относительно спокойно. Удалось остаться в живых и одному из друзей Трента, и четыре года спустя он поступил на службу в береговую охрану Лагуна-Бич.

Выжил и Пит Харрис. По сути, он должен был погибнуть почти сразу, после первых же выстрелов по левой стороне ресторана, но на него свалилось тело Сюзи Кэмпбелл как раз в тот момент, когда он пытался нырнуть под стол. Под ее тяжестью он упал со стула и ударился головой о пол. Мгновение спустя к ним присоединился муж Сюзи, уже мертвый. Лиц обоих Кэмпбеллов невозможно было опознать по фотографиям в их паспортах, аккуратно убранных в нагрудные карманы на случай, если кто-то вломится к ним в машину, пока они будут есть, – но их одежда, отчасти привезенная из Англии, отчасти в целях экономии купленная на распродаже в Бостоне, выглядела практически безупречно. Она нуждалась лишь в легкой чистке, после чего они могли бы выйти за дверь, сесть в свою взятую напрокат машину и продолжить путь. Возможно, в какой-нибудь лучшей реальности подобному позволено было бы случиться, и Марку удалось бы по счастливой случайности найти «Вариации Гольдберга» в следующем городке, и остаток дня они ехали бы по длинному прямому шоссе среди деревьев с как будто светящимися изнутри листьями, до самого захода солнца так и не заметив, что на дороге нет никого, кроме них.

В этом же мире они просто спасли жизнь другому человеку. Пит Харрис неподвижно лежал между ними, не в силах пошевелиться после удара головой о покрытый плиткой пол. Его окружали чьи-то руки и ноги, и все, что он видел, –

хаос и смерть; все, что он ощущал, – тупая боль в голове, которая перешла в столь серьезную контузию, что несколько дней ему казалось, она никогда не пройдет. Молодая медсестра больницы в Пайперсвилле, которая, казалось, смотрела на него с благоговейным восторгом, поскольку он остался жив, когда почти все остальные погибли, всю ночь не давала ему заснуть, хотя он предпочел бы поскорее забыться.

Но все это было позже, так же как и сердечный приступ в 1995 году, который довершил то, чего не смогли сделать пули. Он так никогда и не пытался выяснить, продается ли тот самый викторианский дом. Он просто продолжал работать, пока не скончался.

На фоне размеренных щелчков выстрелов, хрипов и криков умирающих слышался отдаленный звук приближающихся сирен. Убийцы стреляли еще секунд двадцать, очистив небольшой участок возле прилавка, где нашли временное убежище мать и ее девочки. Затем выстрелы прекратились.

Мужчины в плащах окинули взглядом зал с бесстрастными лицами, не выражая никаких эмоций по поводу того, что только что совершили. Тот, что помоложе, – парнишка по имени Билли – отступил на шаг назад и закрыл глаза. Второй выстрелил ему прямо в лицо. Пока тело Билли все еще судорожно корчилось на полу, светловолосый присел и окунул руки в кровь. Затем встал и написал что-то на стеклянной двери. Спокойно и не торопясь. Большими, с подтеками буквами, после чего снова не спеша огляделся вокруг. Он даже не бросил взгляда в сторону мчавшихся по Мэйн-стрит полицейских машин, которые уже никак не могли повлиять на событие, благодаря которому Палмерстон наконец обрел известность.

Затем убийца выпрыгнул в разбитое окно позади тел Кэмпбеллов и исчез – предположительно сбежав вдоль старой железной дороги. Его так и не поймали. Никто не смог четко описать лицо, и со временем образ постепенно затерся. В конце концов всю вину полностью возложили на Билли, парнишку, лишь делавшего то, что ему велел человек, которого он считал своим новым другом.

Услышав шум затормозивших снаружи полицейских машин, Пит Харрис попытался сесть и собраться с силами, чтобы оттолкнуть в сторону тела Кэмпбеллов. Ему это не удалось, но он все же сумел поднять голову достаточно

высоко, чтобы увидеть написанное кровью на дверях.

Буквы потекли, и в глазах у него все плыло, но слова читались достаточно отчетливо. Они гласили: «соломенные люди».

Прошло одиннадцать лет.

Часть первая

В толще холма, а не на холме...

Фрэнк Ллойд Райт об архитектуре Талисина[2 - Фрэнк Ллойд Райт (1867-1959) – один из крупнейших архитекторов XX в.; Талисин – спроектированный Ф. Л. Райтом собственный особняк в штате Висконсин.]

Глава 1

Похороны были обставлены вполне пристойно, народу собралось достаточно, все подобающим образом одеты, никто не вставал и не говорил: «Вы же понимаете, это значит, их нет в живых». Церемония проходила в церкви на окраине города. Я понятия не имел, что она должна была продемонстрировать, и еще меньше – почему она должна следовать указаниям, оставленным Гарольдом Дэвидсом. Насколько мне было известно, мои родители не отличались никакими религиозными взглядами, за исключением неагрессивного атеизма и невысказанной веры в то, что если бы Бог существовал, то он, вероятно, ездил бы в неплохом автомобиле, скорее всего, американского производства.

Организацию похорон полностью взяла на себя контора Дэвидса, и на мою долю почти ничего не осталось, кроме как ждать их завершения. Большую часть этих двух дней я провел в холле отеля «Бест вестерн». Я знал, что мне следовало бы прийти к дому родителей вместе с другими, но не мог вынести даже мысли о подобном. Я прочитал бо?льшую часть дрянного романа и пролистал немало количество журналов, какие обычно бывают в гостиницах, не узнав ничего

нового, за исключением того, что за самые обычные часы можно заплатить целую кучу денег. Каждое утро я покидал отель, намереваясь пройтись по главной улице, но ни разу так и не зашел дальше парковки. Я знал, что могут предложить магазины в Дайерсбурге, штат Монтана, но мне не нужны были ни лыжное снаряжение, ни «произведения искусства». По вечерам я ужинал в ресторане отеля, а обедал сэндвичами в баре. Вся еда сопровождалась картофелем фри, который, судя по его структуре, на пути от поля до моей тарелки неоднократно подвергался промышленной переработке. Без картошки здесь обойтись было невозможно. Я дважды пытался обсудить эту проблему с официантками, но уступал, видя все возрастающую панику в их взгляде.

После того как священник объяснил всем, почему смерть не является окончательным уходом из жизни, каковым могла бы представляться, мы вышли из церкви. Мне не хотелось уходить: там я чувствовал себя в безопасности. Снаружи оказалось очень холодно, воздух был свеж и неподвижен. Позади кладбища возвышалась горная гряда Галлатин, отдаленные размытые очертания которой были будто нарисованы на стекле. Неподалеку стояли уже готовые ограды. В числе полутора десятка свидетелей похорон находился и Дэвидс, а также, судя по всему, его помощник. Рядом со мной стояла Мэри с туго завязанными в узел седыми волосами. Ее многочисленные морщины будто разгладились от холода. Некоторые из присутствующих показались мне смутно знакомыми.

Священник произнес еще несколько слов утешительной лжи. Возможно, для кого-то они и имели значение, но я почти их не слышал, пытаясь сосредоточиться на том, чтобы не дать взорваться собственной голове. Затем те, для кого это было привычной еженедельной работой, ловко опустили гробы в землю. Ветки мягко заскользили в их руках, и гробы легли на предназначенную им глубину в шесть футов под поверхность, на которой продолжали стоять живые. Последовало несколько успокаивающих фраз, но на этот раз произнесенных в быстром темпе – словно священник вдруг понял, что его время истекает и пришла пора дать понять это слушателям.

Наконец все закончилось. Всё. С Дональдом и Бет Хопкинс больше ничего не могло случиться. По крайней мере такого, из-за чего имело смысл беспокоиться.

Некоторые из участников похорон слегка помедлили, словно не зная, что им делать дальше, а затем я остался один. Мне вдруг представилось, будто я раздвоился. Одна часть превратилась в раскаленный камень, не в силах когда-

нибудь вновь сдвинуться с места; другая же вполне осознавала, что стоит рядом с могилами, а где-то совсем недалеко люди уезжают прочь в своих машинах, слушая «Дикси-чикс»[3 - «Дикси-чикс» – известное техасское дикси-трио.] и смутно беспокоясь о своих деньгах. И каждой из моих ипостасей другая почему-то казалась смешной и нелепой.

Я знал, что не могу стоять здесь вечно. Впрочем, никто этого от меня и не ожидал. Это не имело никакого смысла, ничего не могло изменить, и в самом деле тут было очень холодно. Наконец, подняв взгляд, я увидел Мэри, которая тоже все еще стояла всего в нескольких футах от меня. Глаза ее были сухи – она прекрасно знала, что пройдет не так уж много времени и подобная же судьба постигнет ее, так что нет никакого смысла ни плакать, ни смеяться. Я плотно сжал губы, и она протянула руку и положила ладонь мне на предплечье. Некоторое время оба мы молчали.

Когда она позвонила мне три дня назад, я сидел на террасе маленького симпатичного отеля на де ла Вина в Санта-Барбаре. Я был временно безработным или безработным в очередной раз и использовал свои скромные сбережения на незаслуженный отпуск. Передо мной стояла бутылка местного мерло, которую я успешно опустошал. Она была уже не первой за вечер, так что, когда зазвонил мой мобильник, я собрался было предоставить снять трубку автоответчику. Однако, бросив взгляд на телефон и поняв, кто звонит, я нажал кнопку ответа.

– Алло?

– Уорд? – ответил женский голос.

И больше ничего.

Наконец я услышал в трубке какой-то тихий всхлипывающий звук.

– Мэри? – быстро спросил я. – С вами все в порядке?

– О Уорд, – произнесла она голосом, который показался мне надломленным и очень старым.

Я выпрямился в кресле, в тщетной надежде заранее подготовиться и хоть как-то смягчить удар, который должен был на меня обрушиться.

– Что случилось?

– Уорд, лучше приезжай.

В конце концов я заставил ее все мне рассказать. Автокатастрофа в центре Дайерсбурга. Оба скончались в больнице.

Вероятно, я сразу же понял, что произошло нечто подобное. Если бы это не касалось их обоих – Мэри бы мне не позвонила. Но даже сейчас, стоя рядом с ней на кладбище, глядя на холмики земли над гробами, я не в силах был в полной мере осознать их смерть. Я не мог теперь ответить на звонок матери, мой автоответчик зафиксировал его неделю назад, а у меня просто не нашлось времени на ответ. Я не ожидал, что они исчезнут с лица земли без предупреждения и окажутся там, где никогда не смогут меня услышать.

Внезапно я почувствовал, что больше не хочу стоять возле их мертвых тел, и отступил на шаг от могил. Мэри полезла в карман пальто и достала связку ключей, прикрепленную к маленькой картонке.

– Сегодня утром я вынесла мусор, – сказала она, – и убрала кое-какие продукты из холодильника. Молоко и прочее. Не хочу, чтобы в нем плохо пахло. Все остальное я не трогала.

Я кивнул, глядя на ключи. Своих собственных у меня не было – просто незачем. В тех нечастых случаях, когда я наносил визиты родителям, они всегда были дома. Я вдруг понял, что впервые вижу Мэри вне кухни или гостиной. С моими родителями всегда получалось так. Гости приходили к ним домой, а не наоборот. Они всегда являлись неким центром притяжения. Раньше.

– Знаешь, они о тебе часто говорили.

Я снова кивнул, хотя и не был уверен, что ей стоит верить. Бо?льшую часть из последних десяти лет мои родители даже не знали, где я, и все, что они говорили, касалось человека более молодого, единственного ребенка, который

когда-то рос и жил вместе с ними в другом штате. Это вовсе не означало, что мы не любили друг друга. Любили, но по-своему. Я просто не давал им особых поводов для разговоров из тех, которыми родители склонны хвастаться перед друзьями и соседями. У меня не было ни жены, ни детей, ни работы, о которых стоило бы говорить. Осознав, что Мэри до сих пор стоит с протянутой рукой, я забрал у нее ключи.

– Ты надолго к нам? – спросила она.

– Зависит от того, сколько потребуется времени, чтобы уладить все дела. Может быть, на неделю. А может, и меньше.

– Ты знаешь, где меня найти, – сказала она. – Тебе вовсе незачем считать себя чужим просто потому, что тебе так кажется.

– Не буду, – быстро ответил я, неловко улыбнувшись и жалея о том, что у меня нет брата, который мог бы поговорить с ней вместо меня. Кого-нибудь ответственного и умеющего вести себя в обществе.

Она улынулась в ответ, но весьма сдержанно, словно уже зная, что на самом деле все совсем не так.

– До свидания, Уорд, – сказала она и зашагала вверх по склону.

Ей было семьдесят, немногим больше, чем моим родителям, и это было очень хорошо заметно по ее походке. Она всю жизнь прожила в Дайерсбурге, в свое время работала медсестрой, а чем она занималась еще – я и сам не знал.

Я заметил, что Дэвидс стоит возле своей машины по другую сторону кладбища, убивая время со своим помощником, но явно дожидаясь меня. У него был такой вид, словно ему не терпится быстро и качественно довести дело до конца.

Еще раз оглянувшись на могилы, я тяжело двинулся по дорожке навстречу тем необходимым формальностям, которые повлекла за собой потеря моей семьи.

Большая часть бумаг была у Дэвидса с собой в машине, и он пригласил меня на ланч, чтобы заодно и решить все вопросы. Я не знал, будет ли подобная обстановка более уместной, чем у него в конторе, но принял любезность со стороны человека, который почти не был со мной знаком. Мы обедали в историческом центре Дайерсбурга, в заведении под названием «Тетушкин буфет». Обстановка имитировала бревенчатую хижину с изготовленной вручную мебелью. Меню предлагало огромное количество экологически чистых супов и домашней выпечки, сопровождавшихся салатами, основу которых составляли по большей части бобовые побеги. Я знаю, что отстал от жизни, но никогда не считал бобовые побеги едой, более того, они даже не выглядят съедобными, напоминая скорее неких бледных червей-мутантов. Хуже их только кускус, который тут тоже предлагался в большом количестве. Не знаю ни одной тетушки на свете, которая стала бы есть подобную дрянь, но как обслуживающий персонал, так и посетители, похоже, были на седьмом небе от счастья. Маньяки.

После недолгого ожидания мы получили столик у окна, вызвав немалую досаду у разряженного молодого семейства позади нас, которое положило глаз на тот же столик и не понимало, каким образом позиция впереди в очереди может дать право на определенные преимущества. Свое недовольство женщина выплеснула на официантку, громко заметив, что за столиком есть место для четверых, а нас только двое. Обычно подобное приводит меня в наилучшее расположение духа, особенно если мои враги все одеты в одинаковые шерстяные костюмы цвета морской волны, но сейчас колодец моего хорошего настроения полностью иссяк. Муж не шел с ней ни в какое сравнение, но двое светловолосых детей выглядели торжественно, словно парочка ангелочков. Мне совсем не хотелось ничего знать о дурных сторонах их характера. Смуглая официантка, симпатичная, но довольно массивная молодая женщина, из тех, что толпами стекаются в места, подобные Дайерсбургу, чтобы покататься на лыжах, решила не вмешиваться, уставившись в пол.

Дэвидс бросил короткий взгляд на женщину – главу семьи. Он того же возраста, что и мои родители, высокий и сухощавый, с крупным носом и похож на того типа, которого призывает Бог, когда по-настоящему хочет обрушить на землю ад. Открыв дипломат, он достал пачку документов, даже не пытаясь скрыть, к какому событию они имеют непосредственное отношение. По-деловому разложив их перед собой, он взял меню и начал читать. К тому времени, когда он закончил, семейство в полном составе усердно смотрело в сторону. Я тоже взял меню и попытался представить, чем могло бы меня заинтересовать его содержимое.

Дэвидс был адвокатом моих родителей с тех пор, как они познакомились с ним после переезда из Северной Калифорнии. Мне уже приходилось несколько раз с ним общаться на вечеринках по случаю Рождества или Дня благодарения в их доме. Но сейчас для меня он был попросту одним из тех, с кем мне в силу обстоятельств предстояло познакомиться намного ближе. Из-за этого у меня возникали смешанные чувства: с одной стороны, я ощущал разделявшую нас дистанцию, а с другой – мне хотелось продолжить общение, хотя разговор никак не клеился.

К счастью, Дэвидс взял инициативу в свои руки, как только нам принесли миски с супом из калифорнийского ореха и лишайника. Он пересказал мне обстоятельства смерти моих родителей, которые в отсутствие свидетелей сводились к единственному факту. Когда около 23:05 в прошлую пятницу они возвращались от друзей, где играли в бридж, их машина стала жертвой лобового столкновения на перекрестке Бентон-стрит и Райл-стрит. Второй автомобиль стоял неподвижно, припаркованный у обочины. Вскрытие показало, что отец, ехавший на месте пассажира, выпил примерно полбутылки вина, а мать – большое количество клюквенного сока. Дорога была обледеневшей, перекресток не слишком хорошо освещен, и в том же месте год назад произошла еще одна авария. И все. Рядовой несчастный случай – если только я не хотел ввязаться в бесплодный гражданский процесс. Я не хотел. Больше сказать было нечего.

Затем Дэвидс перешел к делу, вследствие чего мне пришлось подписать немалое количество бумаг, принимая таким образом в собственность дом и его содержимое, несколько клочков невозделанной земли и портфель акций отца. Потом мне объяснили массу налоговых вопросов, касавшихся всего вышеперечисленного, и потребовали поставить еще с десятков подписей. Слова влетали мне в одно ухо и вылетали из другого, и я бросал на бумаги лишь беглый взгляд. Отец, несомненно, доверял Дэвидсу, а Хопкинс-старший был не из тех, кто разбрасывался подобными вещами. Что было хорошо для отца, было хорошо и для меня.

Я вполуха слушал Дэвидса, с аппетитом поедая суп – после того как улучшил его рецепт, добавив добрую щепотку соли и перца. Медленно поднося каждую ложку ко рту, я сосредоточенно наслаждался вкусом, пытаюсь занять этим большую часть мыслей. На слова Дэвидса я вновь переключился лишь тогда, когда он упомянул «Движимость».

Он объяснил, что бизнес моего отца, состоявший в успешной торговле дорогой недвижимостью (отсюда в связи с успехом и шутливое название фирмы), находится в процессе ликвидации. Стоимость оставшихся активов будет переведена на любой названный мною счет, как только процесс завершится.

– Он закрыл «Движимость»? – спросил я, поднимая голову и глядя на адвоката. – Когда?

– Нет, – покачал головой Дэвидс, вытирая миску куском хлеба. – Он распорядился, чтобы это было сделано после его смерти.

– Независимо от моего мнения?

Он посмотрел в окно и легким движением потер руки, стряхивая крошки с пальцев.

– Он вполне четко выразился по данному вопросу.

Суп внезапно показался мне холодным и напоминающим на вкус жидкие водоросли. Я отодвинул миску. Теперь мне стало понятно, почему Дэвидс настоял, чтобы мы оформили бумаги сегодня, а не до похорон. Я собрал свои копии документов и сложил их в конверт, который дал мне Дэвидс.

– Это все? – спокойно и бесстрастно спросил я.

– Думаю, да. Мне очень жаль, что вам пришлось через это пройти, Уорд, но от этого, сами понимаете, никуда не деться.

Он достал бумажник и уставился на счет, словно не только не доверяя подсчетам, но и с трудом разбирая почерк официантки. Потом достал было кредитную карточку, но передумал и отсчитал наличные – вероятно, решил не относить стоимость обеда на деловые расходы.

– Вы были очень любезны, – сказал я.

Дэвидс лишь махнул рукой и добавил ровно десять процентов чаевых.

Мы встали и вышли из ресторана, лавируя между столиками, за которыми сидели оживленно беседующие туристы. Я собирался отвести взгляд, когда мы проходили мимо столика, занятого ядерной компанией в костюмах цвета морской волны, но неожиданно они оказались прямо передо мной. Мать и отец негромко спорили о том, где лучше остановиться в Йеллоустоуне; мальчишка тем временем с помощью ложки и супа создавал эффект астероида, падающего в Тихий океан. Его сестра сжимала обеими руками пластиковый стакан, с довольным видом глядя в никуда. Когда я проходил мимо, она посмотрела на меня и улыбнулась, словно при виде большой собаки. Возможно, улыбка и была милой, но на мгновение мне очень захотелось сделать так, чтобы она исчезла.

Выйдя на улицу, мы немного постояли, глядя на состоятельных женщин, бродивших по Колледж-стрит с кредитными карточками наготове.

Наконец Дэвидс сунул руки в карманы пальто.

– Как я понимаю, вы скоро уезжаете. Если до этого я могу быть чем-то вам полезен – свяжитесь со мной. Мертвых я, конечно, воскресить не могу, но во всем остальном, возможно, и сумею помочь.

Мы пожали друг другу руки, и он быстро зашагал прочь, старательно сохраняя бесстрастное выражение лица. И только тогда, непростительно поздно, я понял, что Дэвидс не только был адвокатом моего отца, но и стал его другом, и, возможно, я не единственный, для кого это утро оказалось тяжелым.

Обратно в отель я шел, крепко стиснув кулаки, а к девяти часам основательно надрался. Первая бутылка была у меня в руке еще до того, как двери отеля закрылись за мной. Уже делая первый глоток, я знал, что совершаю ошибку. Я знал об этом всю дорогу домой, знал на кладбище и с того самого мгновения, как проснулся тем утром. Нет, я вовсе не пустился в запой из тех, после которых можно проснуться где-нибудь в Женеве в компании двух жен и с татуировкой на лбу. Напивался я в исключительных случаях, что в итоге не причиняло мне ничего, кроме боли, и к тому же нарушало мои собственные высокие моральные принципы, – вот только проблема заключалась в том, что в данной ситуации никакого иного разумного выхода, похоже, не было.

Сперва я сидел у стойки бара, но вскоре переместился в одну из кабинок возле длинного окна. Благодаря заранее уплаченным немалым чаевым мне не

приходилось ждать и даже вставать с места, чтобы наполнился мой очередной стакан. Сначала пиво, потом виски. Пиво, потом виски. Весьма надежный способ напиться в стельку, и чисто выбритый бармен продолжал подавать напитки именно в таком порядке.

Достав документы из желтого конверта Дэвидса, я разложил их перед собой, сосредоточившись на единственной мысли.

Пока я рос, я знал о своем отце главное – он был бизнесменом. В этом заключалась вся его жизнь. Он принадлежал к виду *Homo sapiens businessmeniens*. Он вставал утром и отправлялся заниматься своим бизнесом, возвращаясь лишь поздно вечером. Родители никогда не рассказывали о годах своей молодости, да и о последующих событиях говорили довольно редко, но про «Движимость» я хорошо знал. Несколько лет отец работал в одной из местных фирм, а потом однажды вечером пригласил мать в ресторан и сообщил ей, что выбирает свой путь. Именно такими словами, словно в рекламе банковских кредитов. Он поговорил кое с кем, наладил связи, приложил все свои способности и знания к тому, чтобы иметь полное право однажды появиться в баре местного клуба и сказать: «Я добился, чего хотел». Это было явно нелегко, но силы воли у отца хватало. Автомеханики и водопроводчики, контролеры платных парковок и банковские клерки – всем достаточно было бросить на него один лишь взгляд, чтобы понять: с таким дурно обходиться не стоит. Когда он входил в ресторан, служащие шепотом передавали друг другу, что пришло время вытянуться в струнку и прекратить плевать в суп. Его компания и ее история – вот что я лучше всего знал о своем отце.

И тем не менее по собственной воле он распорядился закрыть «Движимость». Вместо того чтобы предоставить право решать ее судьбу сыну, он спокойно уничтожил плоды двадцатилетнего труда.

Как только Дэвидс сообщил мне об этом, я понял, что это может означать лишь одно. Мои родители не хотели, чтобы я унаследовал его дело, – что во многих отношениях было вполне объяснимо. Мне доводилось продавать многие, самые разнообразные вещи, но я никогда не занимался торговлей дорогими домами. Конечно, кое-что я об этом знал – мне были знакомы журнал «Уникальное жилище», реестр Дюпона и каталог недвижимости Кристи. Мне доводилось видеть старинные отреставрированные постройки и роскошные ранчо, я знал стоимость произведений искусства Старого Света, даже два года проучился на архитектурном факультете, пока из-за несчастливой случайности мне не

пришлось покинуть колледж и сменить профессию. Но то ли отец не хотел, чтобы я унаследовал его дело, то ли не доверял мне. Чем больше я об этом думал, тем больнее становилось.

Я продолжал пить, в тщетной надежде, что станет легче. Но облегчение не приходило. И все же я продолжал пить. В начале вечера в баре было относительно тихо, затем в десять часов его неожиданно заполнили мужчины и женщины в костюмах, похоже, после какой-то корпоративной вечеринки. Они толпились посреди бара, оживленно общаясь друг с другом, возбужденные, словно дети, от предвкушения нескольких кружек пива. Шум все усиливался, будто меня окружали люди, сгребавшие лопатами гравий.

Я оставался в своей кабине, злобно глядя на пришельцев. Несколько мужчин небрежно сбросили пиджаки, один даже ослабил галстук. Подчиненные подобострастно семенили рядом с боссами, словно ожидающие крошек птицы. Я еще мог бы с этим примириться, я пережил бы бурю. Эти люди умели составлять отчеты и графики, но если дело доходило до проверки на выносливость в баре – вряд ли их хватило бы надолго. В себе я был уверен – хотя сейчас понимаю, что тогда я был пьян сильнее, чем мне казалось.

В бар вошли трое мужчин и остановились в дверях, оглядываясь вокруг.

В следующее мгновение я услышал крик, и люди в костюмах метнулись в стороны в поисках укрытия. Сперва мне стало страшно, но оказалось, что они бегут от меня.

Я стоял шатаясь посреди бара, весь мокрый от опрокинутого пива. В руках у меня был пистолет, направленный прямо на стоявших в дверях, и я выкрикивал в их сторону бессвязные противоречивые приказы. Они явно перепугались до смерти – вероятно, потому, что когда на тебя направляют пистолет, возникает желание делать то, что тебе говорят, но это нелегко, когда не можешь понять смысл слов.

Наконец я перестал кричать. Людей в дверях на мгновение стало шестеро, потом снова трое. Вокруг стояла тишина. Мне казалось, будто сердце сейчас разорвется. Все ждали, в какую сторону изменится ситуация – в лучшую или в худшую.

– Прошу прощения, – пробормотал я. – Обознался.

Убрав пистолет в карман пиджака, я собрал бумаги со стола и, пошатываясь, направился к выходу. Я прошел половину холла, прежде чем рухнуть на пол, свалив стол и большую вазу с цветами стоимостью в сотню баксов.

В три часа ночи, дрожа после ледяной ванны, я лежал на спине в кровати в своем номере.

Меня допрашивали и руководство отеля, и местная полиция, выразившая полное понимание, но потребовавшая, чтобы я сдал оружие на все время своего пребывания. Да, сегодня я был на похоронах. Да, у меня есть лицензия на скрытое ношение оружия – что их весьма удивило. Однако они вполне здраво заметили, что лицензия не дает мне права размахивать пистолетом в барах. Бумаги из конторы Дэвидса, в которых говорилось, что теперь я стал обладателем одного миллиона восьмисот тысяч долларов, осторожно положили под обогреватель, чтобы они высохли. Я больше ни на кого не злился. Сам факт, что последняя воля и завещание моего отца теперь пахли пролитым пивом, доказывал его правоту.

Полежав немного, я повернулся на бок, снял трубку телефона и набрал номер. Телефон выдал шесть гудков, после чего включился автоответчик. Голос, который был мне знаком лучше, чем мой собственный, сообщил, что мистер и миссис Хопкинс, к сожалению, не могут ответить на звонок, но я могу оставить сообщение, и они со мной свяжутся.

Глава 2

В десять часов следующего утра я стоял с чувством искреннего раскаяния на подъездной дорожке возле дома родителей. На мне была чистая рубашка, я съел легкий завтрак и извинился перед всеми, кого смог найти в отеле, вплоть до парня, чистившего бассейн. Я был несколько удивлен, что не провел ночь в тюремной камере, и чувствовал себя весьма дерьмово.

Дом находился в конце узкой неровной дороги на окраине Дайерсбурга. В свое время переезд родителей сюда показался мне достаточно неожиданным. Участок был довольно большим, примерно в половину акра, и несколько старых деревьев отбрасывали тень на стену дома. Его окружали участки подобного же размера, со старыми викторианскими домами, которые никто не позаботился заново покрасить. Граница участка была обозначена аккуратной живой изгородью. Мэри жила в соседнем доме. Ее никак нельзя было назвать состоятельной. По другую сторону жили преподаватель колледжа и его жена-аспирант. Скорее всего, этот дом им продал мой отец. Опять-таки, жили они достаточно скромно и в шампанском отнюдь не купались. Сам дом был двухэтажным, с изящным крыльцом, мастерской в подвале и гаражом позади – несомненно, симпатичное и хорошо оборудованное жилище, с приятными соседями, и тот, кто решил бы тут поселиться, вряд ли стал бы жаловаться. Но и на страницы «Жилищ богачей и знаменитостей» этот дом вряд ли в ближайшее время попал бы.

Я помахал рукой, на случай, если Мэри смотрит в окно, и медленно пошел по дорожке. Мне казалось, будто передо мной – подделка. Настоящий дом моих родителей, тот, в котором я вырос, находился далеко в прошлом и в тысяче миль отсюда на запад. Я не был в Хантерс-Роке с тех пор, как они переехали, но помнил старый дом до мельчайших подробностей. Обстановка его комнат навсегда врезалась мне в память. Тот же, что стоял передо мной, был словно вторая жена, слишком поздно в своей жизни решившая установить с детьми более близкие отношения.

Возле двери стоял оцинкованный мусорный бак, крышку которого приподнимал плотно набитый мешок. Газет на пороге не было, – видимо, об этом позаботился Дэвидс. Поступил он совершенно правильно, но из-за этого складывалось впечатление, что все уже начало покрываться пылью. Я достал из кармана чужие ключи и отпер дверь.

Внутри было настолько тихо, что дом, казалось, пульсировал. Подняв с пола несколько конвертов с почтой, в основном рекламы, я положил их на столик, затем немного походил из комнаты в комнату, разглядывая обстановку. Комнаты напоминали витрины какой-то странной распродажи, где все вещи происходят из разных мест и оценены намного ниже их реальной стоимости. Даже те, что были на своем месте, – книги в кабинете отца, мамина коллекция английской керамики тридцатых годов, аккуратно расставленная на старинном деревянном комод в гостиной, – казались надежно защищенными от моего прикосновения и

от времени. Я понятия не имел, что со всем этим делать. Сложить в ящики и убрать куда-нибудь подальше? Продать и оставить деньги себе или потратить на что-нибудь достойное? Жить среди этих вещей, зная, что всегда буду считать их не более чем поддержанным хламом?

Единственное, что имело хоть какой-то смысл, – оставить все как есть, уйти из дома и больше не возвращаться. Это была не моя жизнь. И вообще теперь ничья. Если не считать единственного свадебного фотоснимка в холле, здесь не было даже фотографий – их никогда не было в нашей семье.

В конце концов я снова оказался в гостиной. Большие широкие окна выходили через сад на дорогу, придавая теплоты шедшему снаружи холодному свету. В гостиной стояли диван и кресло, украшенные изящным орнаментом, небольшой телевизор на подставке из дымчатого стекла, а также кресло моего отца, потрепанная боевая лошадка из темного дерева, покрытого зеленой тканью, единственный предмет мебели, который они привезли с собой. На кофейном столике лежала новая биография Фрэнка Ллойда Райта, рядом с чеком из «Денфорд-маркета». Восемь дней назад кто-то из родителей купил разнообразные закуски, морковный пирог (странный каприз), пять больших бутылок минеральной воды, обезжиренное молоко и бутылочку витаминов. Большая часть всего этого, вероятно, находилась среди содержимого холодильника, которое выбросила Мэри. Возможно, минеральная вода и витамины оставались еще где-то здесь. Чуть позже можно было бы и попить.

Сев в отцовское кресло, я провел ладонями по потертым подлокотникам, затем положил руки на колени и посмотрел в сад.

А потом долго и безутешно рыдал.

Уже намного позже я вспомнил один давний вечер. Мне тогда было семнадцать, и мы еще жили в Калифорнии. Была пятница, я собирался встретиться с ребятами в придорожном баре на окраине города, под названием «У ленивого Эда», – забегаловке, которая выглядела так, будто ее построили мормоны, чтобы выпивка казалась делом не только нечестивым, но к тому же мрачным, унылым и бесконечно безнадежным. Эд понимал, что особо разборчивым ему быть не приходится, а поскольку мы никогда не доставляли особых проблем и постоянно подкармливали двадцатипятицентовиками бильярдный стол и музыкальный

автомат – «Блонди», Боуи и старый добрый Брюс Стрингбин в славные времена Молли Рингуолд и «Мондриана»[4 - «Блонди» – американская рок-группа, начавшая музыкальную деятельность в 1970 г.; Дэвид Боуи (р. 1947) – звезда и ветеран рок-музыки XX в.; Брюс Стрингбин – знаменитый кукольный персонаж, пародирующий американского рок-певца Брюса Спрингстина; Молли Рингуолд (р. 1968) – американская киноактриса; «Мондриан» – цветомузыкальная установка, названная по имени художника П. Мондриана (1872–1944).], – наша несовершеннолетняя компания вполне его устраивала.

Матери не было дома, она уехала к своей подруге по каким-то делам, которыми обычно занимаются женщины, когда рядом нет мужчин, путающихся под ногами, вечно скучающих и не слушающих с надлежащей серьезностью истории о незнакомых людях, чьи проблемы кажутся им невероятно глупыми. В шесть часов мы с отцом сидели за большим столом в кухне, ужиная лазаньей, которую мать оставила в холодильнике, и избегая салата. Мои мысли были заняты совсем другим – я понятия не имел, чем именно. О том, что происходило в голове у меня семнадцатилетнего, я сейчас мог судить не в большей степени, чем о происходящем в голове у туземца с Борнео.

До меня не сразу дошло, что отец закончил есть и смотрит на меня. Я встретился с ним взглядом.

– Что? – довольно вежливо спросил я.

Он отодвинул тарелку.

– Идешь куда-нибудь сегодня?

Я медленно кивнул, смутившись, что было вполне естественно для подростка, и снова начал ковыряться вилкой в еде.

Мне сразу следовало тогда понять, о чем он спрашивает. Но я этого не сообразил, как и того, почему на его тарелке осталась небольшая горка салата. Мне не нравилась эта зеленая дрянь, и я вообще к ней не притронулся. Ему она не нравилась тоже, но он все же немного съел – даже учитывая, что рядом не было матери. Сейчас я понимаю, что нужно было как-то уменьшить количество салата в миске, иначе, вернувшись, мать сразу начала бы упрекать нас в том, что мы неправильно питаемся. Просто выкинуть часть его в мусорное ведро

казалось нечестным, но если эта самая часть провела некоторое время на его тарелке – по сути, побывала его едой, – то все в порядке. Однако тогда это выглядело невероятно глупым.

Закончив есть, я обнаружил, что отец все еще сидит за столом. Это было на него не похоже. Обычно после еды он сразу же начинал заниматься делом – складывать тарелки в посудомоечную машину, выносить мусор, включать кофеварку и так далее и тому подобное.

– И чем ты собираешься сейчас заняться? Посмотреть телик? – с некоторым усилием спросил я, чувствуя себя очень по-взрослому.

Он встал, отодвинул свою тарелку в сторону и, помолчав, сказал:

– Вот думаю...

Эти слова не вызвали у меня особого интереса.

– О чем же?

– Может, сыграешь со стариком пару партий в бильярд?

Я уставился ему в спину. Вопреки обычной для отца уверенности в себе вопрос прозвучал как жалкая попытка заискивать передо мной. Мне трудно было поверить, что он рассчитывал, будто я приму его слова всерьез. Отец вовсе не был стар. Он бегал трусцой, обыгрывал в теннис и гольф тех, кто был намного его моложе. Более того, я совершенно не мог представить его играющим в бильярд. Это просто было не в его стиле. Если нарисовать диаграмму Венна[5 - Названный по имени английского философа и математика Джона Венна (1834–1923) графический аппарат диаграмм, эквивалентный логике классов – разделу логических теорий, в котором изучаются операции над классами (множествами) и свойства этих операций.] с отдельными кругами для «Людей, играющих в бильярд», «Людей, которые могли бы играть в бильярд» и «Людей, которые вряд ли стали бы играть в бильярд, но, возможно, все же смогли бы», отец вообще оказался бы на другом листе бумаги.

Этим вечером он был одет, как это часто бывало, в тщательно отглаженные, песочного цвета хлопчатобумажные брюки и белую полотняную рубашку, купленные отнюдь не в дешевом магазине. Высокий и загорелый, с тронутыми сединой темными волосами, он производил впечатление человека, за которого проголосовал бы любой, будь в том такая необходимость. Постоянно казалось, будто он стоит у борта большой яхты где-нибудь у берегов Палм-Бич или Юпитер-Айленд и ведет возвышенную беседу о произведениях искусства – тех, которые пытается вам продать.

Я же, с другой стороны, был худ и светловолос, носил обычные черные джинсы «Левис» и черную футболку. И то и другое выглядело так, будто их использовали для чистки автомобильного двигателя, впрочем, и пахло от них, вероятно, так же. От отца же исходил обычный для него запах, на который я тогда не обращал внимания, но сейчас могу представить так отчетливо, как если бы отец стоял позади меня, – свежий, чистый, правильный аромат, словно от аккуратно сложенной поленницы.

– Хочешь пойти сыграть в бильярд? – спросил я, пытаюсь удостовериться, что не сошел с ума.

Он пожал плечами:

– Матери нет дома. По ящику ничего интересного.

– А на кассетах?

Это было непостижимо. Отношения отца с видеомаягнитофоном напоминали те, что бывают у некоторых с любимым старым псом, и полки в его кабинете были заставлены кассетами с аккуратно наклеенными этикетками. Сейчас, конечно, я поступал бы так же, будь у меня свое жилье. Если бы нашлось время, я бы даже пометил их штрихкодами. Но тогда подобная его черта больше всего напоминала мне фашистские полицейские государства.

Отец не ответил. Я машинально доел остатки со своей тарелки – я всегда оставлял посуду чистой, поскольку был в том возрасте, когда продемонстрировать свою любовь к матери было сложно, и единственное, что я мог, – не дать ее драгоценной посудомоечной машине засориться. Мне не хотелось, чтобы отец ехал со мной в бар, только и всего. У меня уже сложились

определенные привычки – я наслаждался поездкой, это было мое время. Да и ребятам могло бы это показаться странным – черт побери, это и на самом деле было странно. Мой друг Дэйв, вероятно, глазам бы своим не поверил при его появлении и уж точно встревожился бы не на шутку, увидев меня в компании представителя «деспотичного старшего поколения».

Я посмотрел на отца, думая, как бы ему все объяснить. Тарелки были убраны в шкаф, остатки салата – в холодильник. Отец тщательно вытер стол. Если бы некая команда экспертов попыталась обнаружить хоть какие-то свидетельства того, что здесь недавно принимали пищу, их постигло бы разочарование. Я почувствовал, что начинаю злиться. Когда же отец сложил скатерть и повесил ее на ручку духовки, я вдруг ощутил первый намек на то, что мне предстояло почувствовать по-настоящему почти двадцать лет спустя, сидя со слезами на глазах в его кресле в пустом доме в Дайерсбурге, – осознание того, что его присутствие рядом вовсе не нечто неизбежное или данное свыше и однажды в тарелке окажется слишком много салата, а скатерть останется несложенной.

– Ладно, – сказал я.

Опасаясь реакции моих приятелей, я выехал из дома на сорок минут раньше, рассчитывая, что у нас будет по крайней мере час, прежде чем придется иметь дело с кем-то еще, – поскольку остальные всегда опаздывали.

Пока мы ехали к заведению Эда, отец, сидевший на месте пассажира, почти не разговаривал. Когда я остановился возле бара, он выглянул в окно.

– Это сюда ты ходишь?

Я молча кивнул. Отец что-то проворчал в ответ. Пока мы шли через парковку, я вдруг сообразил, что, если появлюсь с отцом, у Эда могут возникнуть сомнения относительно моего возраста, но поворачивать назад было уже поздно. Мы с отцом не были слишком похожи, и, возможно, Эд подумает, что это просто какой-то мой старший знакомый – сенатор или еще кто-нибудь.

Внутри было почти пусто. За столиком в углу сидела компания каких-то незнакомых мне стариков. Жизнь здесь начиналась только поздно вечером, да и то не всегда – после нескольких неудачных попыток выбрать мелодию на музыкальном автомате могла наступить гробовая тишина. Пока мы ждали Эда,

который, по обыкновению, не слишком спешил, отец прислонился спиной к стойке и огляделся по сторонам. Впрочем, смотреть было особо не на что. Потертые табуреты, многовековая пыль, бильярдный стол, тусклый неоновый свет. Мне не хотелось, чтобы ему здесь понравилось. Наконец появился Эд и улыбнулся, увидев меня. Обычно я выпиваю первую кружку пива, болтая с ним, и, вероятно, он ожидал, что то же самое произойдет и сейчас.

Но тут он увидел отца и остановился – не так, словно налетел на стену или что-то в этом роде, просто поколебался, но улыбка исчезла с его лица, сменившись выражением, которого я не мог понять. Отец был не из тех, кто проводил время в этом баре, и, вероятно, Эд весьма удивился тому, по какой странной прихоти судьбы он тут оказался. Отец повернулся к Эду и кивнул. Эд кивнул в ответ.

Мне очень хотелось, чтобы все побыстрее закончилось.

– Мой отец, – сказал я.

Эд снова кивнул, и на этом их общение, похоже, завершилось.

Я попросил два пива, наблюдая за отцом, который подошел к бильярду. В детстве я привык, что люди в магазинах часто подходили и заговаривали с ним, полагая, что он здешний менеджер и единственный человек, который может решить их мелкие проблемы, превратившиеся для них в жизненную драму. Я даже слегка его зауважал, видя, что и в захудалом баре он чувствует себя как дома, – так, как можно уважать кого-то за те качества, к которым, возможно, стоит стремиться самому.

Я тоже подошел к столу, мы начали играть. Все три партии закончились в мою пользу, хотя и оказались довольно длительными. Играл он, может быть, и не столь ужасно, но каждый раз промахивался на пять процентов, а я полностью владел ситуацией. Мы почти не разговаривали – просто склонялись над столом, делая удары и переживая промахи. После второй партии он пошел и сам купил себе еще пива, пока я собирал шары. В душе надеясь, что он ограничится одной кружкой, я оставил большую часть своего пива недопитым. Потом мы сыграли последнюю партию, которая оказалась чуть получше, хотя столь же утомительной. Наконец он поставил кий в стойку.

– Все? – спросил я, пытаюсь придать голосу небрежный тон. Чувствуя искреннее облегчение, я рискнул взять себе еще кружку.

Он покачал головой:

– Не слишком-то я для тебя подходящий соперник.

– Ну так что, теперь скажешь: «Отлично, парень» или что-то в этом роде?

– Нет, – спокойно ответил он. – Потому что это не так.

Я уставился на него, потрясенный, словно пятилетний ребенок.

– Ну что ж, – наконец сумел проговорить я. – Спасибо за поддержку.

– Это игра. – Отец пожал плечами. – Меня беспокоит не то, годишься ты на что-то или нет. Дело в том, что это никак не беспокоит тебя.

– Что? – недоверчиво переспросил я. – Ты это прочитал в каком-то своем учебнике по мотивационному анализу? Мол, стоит в нужный момент как следует поддеть сыночка и он в конце концов станет председателем совета директоров?

– Уорд, не строй из себя дурака, – спокойно ответил он.

– Это ты дурак, – рявкнул я. – Ты думал, будто я ни на что не гожусь, а ты сможешь сюда явиться и разбить меня в пух и прах, хотя сам играть вообще не умеешь!

Он немного постоял, сунув руки в карманы брюк, затем посмотрел на меня. Это был странный взгляд – холодный и оценивающий, но вместе с тем любящий. Потом отец улыбнулся.

– Не важно, – сказал он и вышел. Скорее всего, отправился пешком домой.

Я вернулся к столу, схватил свое пиво и допил его одним глотком. Потом попытался загнать один из оставшихся шаров в угловую лузу – и промахнулся. В

это мгновение я по-настоящему ненавидел отца.

Метнувшись к стойке, я обнаружил, что очередная кружка уже ждет меня. Я полез за деньгами, но Эд покачал головой. Раньше он никогда так не поступал. Я сел на табурет и несколько последующих минут молчал.

Постепенно мы все же заговорили о совершенно посторонних вещах: о взглядах Эда на местную политику и феминизм – и к тому, и к другому он относился довольно критически, – о хижине, которую он собирался построить в лесу. Я понятия не имел, каким образом связаны эти темы между собой, но все же слушал его. К тому времени, когда в бар зашел Дэйв, я уже мог более-менее делать вид, что ничего особенного не произошло.

Вечер прошел как обычно. Мы болтали, пили, врали друг другу, с горем пополам играли в бильярд. Наконец я вышел к машине и остановился, увидев подсунутую под стеклоочиститель записку – написанную почерком моего отца, но значительно более мелким.

«Если не сумеешь прочесть сразу, – говорилось в ней, – пусть лучше тебя кто-нибудь подвезет. А завтра приедем сюда вместе, чтобы забрать машину».

Я скомкал записку и отшвырнул ее прочь, но домой ехал очень осторожно. Когда я вернулся, мать уже спала. В кабинете отца горел свет, но дверь была закрыта, так что я просто поднялся к себе наверх.

Я встал лишь один раз, поздним утром, чтобы приготовить себе чашку растворимого кофе. Все остальное время просто сидел, до середины дня, пока солнце не начало светить прямо в глаза, развеяв окутывавшие меня чары. Я выбрался из кресла, зная, что никогда больше в него не сяду. Прежде всего, оно было не слишком удобным – сиденье оказалось потертым и бугристым, и после нескольких проведенных в нем часов у меня начал болеть зад. Вернувшись в кухню, я сполоснул чашку и поставил ее вверх дном сушиться. Потом передумал, вытер ее и убрал обратно в буфет. Сложив скатерть, повесил ее на ручку духовки.

Я нерешительно остановился в коридоре, думая, что делать дальше. Одна часть меня считала сыновним долгом выписаться из гостиницы и провести ночь здесь;

другая же, напротив, очень этого не желала. Мне хотелось яркого света, гамбургера, пива, кого-то, кто мог бы поговорить со мной о чем-то другом, кроме смерти.

Неожиданно ощутив боль и грусть, я вернулся в гостиную, чтобы забрать с кофейного столика свой телефон. Ломило нижнюю часть спины – вероятно, от долгого сидения в этом дурацком кресле.

Кресло. Возможно, все дело было в изменившемся освещении – солнце с утра проделало свой путь вокруг двора, отбрасывая новые тени. Но скорее всего, после нескольких часов рыданий у меня просто несколько прочистилось в голове. Так или иначе, теперь при взгляде на кресло подушка на его сиденье показалась мне несколько странной. Медленно убрав «Нокию» в карман, я хмуро устался на кресло. Подушка, которая была его неотъемлемой частью, явно выпирала в середине. Я осторожно протянул руку и потрогал утолщение, оказавшееся довольно твердым.

Возможно, отец перетянул кресло или набил его чем-нибудь – судя по всему, камнями. Я выпрямился, собираясь обо всем забыть и покинуть дом. Мое похмелье начинало цвести пышным цветом. И тут еще кое-что привлекло мое внимание.

Есть определенный порядок, в котором располагают предметы относительно друг друга, особенно если эти предметы достаточно велики. Некоторые этого не замечают. Они просто расставляют мебель вдоль стен, или под нужным углом, или так, чтобы все могли смотреть телевизор. Мой отец всегда удостоверился, что мебель стоит именно так, как положено, и его весьма раздражало, когда кто-то ее двигал. А кресло отца стояло не на своем месте – оно было сдвинуто совсем немного, вряд ли кто-то другой обратил бы на это внимание. Кресло стояло слишком ровно по отношению к остальной мебели и казалось чересчур выдвинутым вперед. Так просто не должно было быть.

Присев перед креслом, я присмотрелся к линии, по которой подушка крепилась к сиденью. Соединение было прикрыто полоской бахромы, потертой и изношенной. Я взялся за один ее конец и потянул. Она легко отошла, открыв отверстие, которое выглядело так, словно прежде было зашито.

Я сунул внутрь руку. Пошарив пальцами в старой набивке, сделанной, вероятно, из нарезанных кусков поролона, я обнаружил некий твердый предмет, который и извлек наружу.

Это оказалась книга – роман в мягкой обложке, выглядящий вполне новым экземпляр одного из популярных триллеров, из тех, что мать могла взять в супермаркете возле кассы и прочитать за день. Похоже, однако, что книгу вообще не читали. Корешок не был согнут, а мать не относилась к числу сторонников держать книги в идеальном состоянии. В любом случае в кресле книга оказалась явно не случайно.

Я пролистал страницы. В середине книги обнаружился маленький листок бумаги – записка всего в одну строчку, почерком моего отца.

«Уорд, – говорилось в ней. – Мы не умерли».

Глава 3

Река на юге Вермонта, с чистой и холодной водой, бежит по усыпанному светлыми камнями руслу между крутых берегов посреди долины в Зеленых горах. Небо словно начинается всего в нескольких футах над деревьями, покрытое серыми, будто сахарная вата, облаками, застывшими в угасающем свете дня. Листья на земле, похожие на осколки цветного стекла, присыпаны снежной пылью. По обеим сторонам реки, соединенным двумя старыми каменными мостами, которые разделяет расстояние в пятьдесят ярдов, расположился небольшой поселок Пимонта. В нем всего домов двадцать, хотя больше половины из них, судя по их виду, используются лишь летом или вообще заброшены. Рядом с одним из них видны приземистые очертания очень старого «бьюика», ржавый кузов которого приобрел окраску грозовой тучи. У других домов стоит еще несколько машин. Судя по потрепанному виду, у их владельцев имеется несколько детей и по крайней мере одна собака. Вокруг тишина, если не считать шума реки, которая течет здесь так долго, что звук этот стал для всех привычным фоном. Из нескольких труб лениво тянется дым, включая ту, что на крыше «Пимонта-Инн», недавно отремонтированной гостиницы на берегу реки, в которой почти нет свободных мест в эту последнюю неделю осени.

На одном из мостов стоит человек, облокотившись на перила и глядя на несущуюся внизу воду. Его зовут Джон Зандт. Он чуть ниже шести футов ростом, одет в теплое пальто, подчеркивающее его подтянутую широкоплечую фигуру, и производит впечатление человека, который очень долго может тащить пару чемоданов или хорошенько кому-то врезать. И то и другое – верно. Волосы у него короткие и темные, черты лица жесткие, но пропорциональные. Подбородок и щеки покрывает двухдневная щетина. Последнюю неделю он провел в «Пимонта-Инн», в номере, состоящем из спальни, ванной и маленькой гостиной с дровяным камином. Все очень уютно и выдержано в истинно сельском стиле. Зандт провел все эти дни, прогуливаясь по окрестным горам и долинам, избегая проторенных троп, где полно ярко одетых туристов, которых больше всего волнует, нет ли тут медведей. Иногда ему попадались остатки старых поселений, превратившиеся в груды старых бревен, разбросанных среди растительности. Здесь не слышно никакого эха, сколько ни прислушивайся, и некоторые места, когда-то попадавшиеся на пути, теперь снова исчезли с карт. Дороги разошлись в разные стороны – некоторые куда-то приводят, другие же уходят в чащу, возможно навсегда.

Зандт любит немного посидеть в подобных местах, представляя, как и что могло быть тут раньше. Потом он идет дальше, пока не почувствует, что устал и пора возвращаться в гостиницу. Вечерами он сидит в своей уютной гостиной, вежливо уклоняясь от разговоров с другими гостями и хозяевами заведения. Книги в маленькой библиотеке наводят на мысли о косности и самодовольстве. Наверное, человек сорок обменялись с ним кивком за последнюю пару недель, так и не узнав его имени и не имея возможности описать его хоть в каких-то подробностях.

После ужина, обычно отменного, хотя и неторопливого, он возвращался к себе в номер, разжигал огонь в камине и бодрствовал до тех пор, пока мог выдержать. В последнее время ему часто снились сны. Иногда это были сны о Лос-Анджелесе, о жизни, которая прошла навсегда и потому от нее невозможно было убежать. В прошлом он пробовал и алкоголь, и героин, но обнаружил, что это мало чем может ему помочь. Теперь же он просто просыпается и лежит на спине, ожидая утра и не думая ни о чем. Он никогда не пытался покончить с собой – подобное было не в его натуре. Иначе он давно уже был бы мертв.

А сейчас, прислонившись к ограждению моста в наступающих сумерках, он размышляет, что делать дальше. У него есть деньги, часть из которых – остатки заработанного тяжким трудом за все лето. Он думает о том, что, возможно,

пришло время вернуться в какой-нибудь город – может быть, где-нибудь на юге, хотя он обнаружил, что ему нравятся холод и темные леса. Однако этим побуждениям препятствует тот факт, что особой потребности в деньгах у него нет, как нет и никакого желания что-либо делать с теми, которые уже есть. И вообще, после целой жизни, проведенной среди каменных зданий, деньги внезапно перестали иметь для него какое-либо значение. Безлюдные дороги и неограниченные пространства куда больше ему по душе, чем что-либо иное.

Он поднимает взгляд, услышав звук мотора автомобиля, приближающегося по дороге с севера. Вскоре на склоне холма появляется свет фар, включенных несколько раньше, чем обычно принято здесь. Машина въезжает в поселок, мимо небольшого универсального магазина и пункта видеопроката. Это «лексус» черного цвета, новый. Автомобиль плавно тормозит возле гостиницы.

Двигатель с тихим гудением выключается. Некоторое время из машины никто не выходит. Зандт наблюдает за ней, пока не убеждается, что сидящие внутри смотрят в его сторону. Его собственная машина, дешевая иномарка, купленная на распродаже в Небраске, стоит перед пристройкой, где находится его номер. Ключи от машины у него в кармане, но он не может до нее добраться, не оказавшись в непосредственной близости от «лексуса». Он может повернуться, перейти через мост, а затем, пройдя среди домов на другом берегу, скрыться среди холмов, но подобных намерений у него нет. Он знает, что за гостиницу следовало заплатить наличными, как он обычно и делал. Но приехал он без денег, и время было довольно позднее. Пришлось взять немного из банкомата в ближайшем городке, судя по всему, оставив достаточно четкий след. Время, когда можно было избежать этой встречи, чем бы она ни была вызвана, прошло две недели назад. Он снова смотрит на воду под мостом и ждет.

Открывается дверца со стороны пассажира, и из машины выходит женщина с аккуратно подстриженными темными волосами, в темно-зеленом костюме, среднего роста. У нее удивительное лицо, которое можно счесть как ничем не выделяющимся, так и прекрасным. Большинство поставило бы на первое, что вполне ее устраивает. Ее молчание во время поездки уже начало раздражать агента Филдинга, который впервые встретился с ней три часа назад, и если бы ему не поручили отвезти ее в Пимонту, он уже несколько часов как мог бы быть дома. Филдинг до сих пор понятия не имеет, зачем ему пришлось тащиться в эту дыру, что, может, и к лучшему, поскольку поездку вряд ли можно назвать деловой. Он просто делает то, что ему велели, – во многом недооцененное качество.

Женщина закрывает дверцу с мягким щелчком, который, как она знает, сможет услышать мужчина на мосту. Он не двигается с места, даже не поднимает взгляда, пока она проходит мимо гостиницы, мимо огражденного участка недавно умершего местного гончара, а затем поднимается на мост.

Она подходит к нему и останавливается в нескольких ярдах, ощущая некоторую абсурдность ситуации и довольно сильный холод.

– Привет, Нина, – говорит он, все так же не глядя на нее.

– Просто здорово, – отвечает она. – Впечатляет.

Он поворачивается к ней:

– Неплохой костюм. Прямо Дана Скалли[6 - Дана Скалли (исп. Джиллиан Андерсон) – спецагент ФБР из телесериала «Секретные материалы»].

– В наше время все хотят так выглядеть. Даже некоторые парни.

– Кто в машине?

– Местный агент, из Берлингтона. Весьма приятный человек, который меня подвез.

– Как ты меня нашла?

– По кредитной карточке.

– Ясно, – говорит он. – Долго же тебе пришлось добираться.

– Ты этого стоишь.

Он скептически смотрит на женщину, которую когда-то считал удивительной, а теперь – снова самой обычной.

– И что же тебе нужно? Мне холодно, я проголодался и буду весьма удивлен, если нам есть что сказать друг другу.

На несколько мгновений она вновь кажется ему прекрасной, и в глазах ее мелькает боль. Затем, словно это ничего для нее не значит, она говорит:

– Это снова случилось. Я думала, ты захочешь узнать.

Она поворачивается и направляется обратно к машине. Двигатель заводится еще до того, как она открывает дверцу, и две минуты спустя в долине снова пусто и тихо, если не считать человека на мосту, который стоит, побледнев и слегка приоткрыв рот.

Он нагнал ее в двадцати милях к югу, мчась на полной скорости по узким горным дорогам и бросая машину в сторону на каждом повороте. Южный Вермонт не рассчитан на быструю езду, и машину дважды заносило на обледеневших участках. Зандт не замечал ни этого, ни местных водителей, которые едва успевали осознать его приближение, как он уже обгонял их, набирая скорость. В Уилмингтоне он наткнулся на развилку. «Лексуса» не было видно ни в той, ни в другой стороне. Решив, что она направляется туда, откуда может самолетом вернуться назад к цивилизации, он повернул налево по шоссе номер девять в сторону Кина, к границе штата Нью-Хэмпшир.

Прибавив скорость на широкой дороге, он вскоре отчетливо увидел задние фары «лексуса» далеко впереди, мелькавшие среди деревьев на изгибе дороги или по другую сторону впадины. Наконец он нагнал его на прямом участке к югу от Хардсборо, где дорога шла вдоль берега холодного спокойного озера, в зеркале которого отражалось небо.

Он мигнул фарами. Ответа не последовало. Он подъехал ближе и снова мигнул. На этот раз «лексус» слегка прибавил скорость. Зандт надавил на газ и увидел, как Нина оборачивается и прижимает лицо к заднему стеклу. Она что-то сказала водителю, но тот не замедлил хода.

Зандт вдавил педаль в пол и вырвался вперед, затем развернул машину и резко затормозил. Он выскочил наружу еще до того, как смолк двигатель, и точно так же поступил Филдинг, уже вытаскивая руку из-за отворота пиджака.

– Убери, – предложил Зандт.

– Пошел к черту.

Агент держал пистолет обеими руками. Тем временем Нина выбралась из машины с другой стороны, стараясь не ступить в грязь.

– Назад, кому говорю, – бесстрастно произнес Филдинг.

– Все в порядке, – сказала Нина. – Черт, туфли пропали.

– Хрен вам все в порядке. Он пытался столкнуть нас с дороги.

– Скорее всего, он просто хотел поговорить. Здесь иногда бывает очень одиноко.

– Может поговорить с моей задницей, – ответил Филдинг. – Эй, ты, положи руки на капот.

Зандт остался где стоял, пока Нина обходила «лексус» спереди, чтобы выйти на дорогу.

– Ты уверена, что это снова он? – спросил Зандт.

– Думаешь, иначе я проделала бы такой путь?

– Никогда не понимал ни единого твоего поступка. Хоть сколько-нибудь. Просто ответь на вопрос.

– Положишь ты руки на капот или нет, черт бы тебя побрал! – заорал Филдинг.

Послышался тихий металлический щелчок предохранителя. Зандт и Нина повернулись к нему. Агент был вне себя от ярости. Нина бросила взгляд на дорогу, по которой к ним приближался большой белый «форд», явно взятый напрокат и двигавшийся не спеша, так чтобы его пассажиры могли хорошо разглядеть озеро в том свете, который еще оставался.

– Спокойно, – сказала Нина. – Или хотите объясняться по поводу этого инцидента с вашим руководством?

Филдинг оглянулся через плечо, увидел машину, подъезжавшую к месту с хорошим обзором, примерно в ста ярдах от них, и опустил оружие.

– Может, все же расскажете, что, черт побери, происходит?

Нина коротко кивнула, затем снова повернулась к Зандту.

– Я уверена, Джон.

– Тогда почему ты здесь, а не там?

Она небрежно пожала плечами:

– Собственно, сама не знаю. Я не должна была здесь оказаться и уж тем более не должна была с тобой разговаривать. Хочешь послать меня подальше или поедем куда-нибудь и поговорим?

Зандт посмотрел в сторону, на ровную гладь озера. Часть была черной, другая – морозно-серой. На противоположной стороне виднелись небольшая поляна и деревянный летний домик, у стены которого были сложены вязанки дров. Строение не выглядело типовым или купленным по каталогу; скорее кто-то, один или двое, провел немало вечеров, проектируя его на чертежных листах, принесенных домой с работы, и испытывая отчаянное желание как-то поменять свою жизнь. Уже не в первый раз Зандт пожалел, что он – это он, а не кто-то другой. Скажем, человек, живущий в этом доме. Или один из туристов там, на дороге, из тех, что стояли сейчас у воды, смотрели на деревья и в своих ярких куртках были похожи на замершие дорожные огни.

Наконец он кивнул. Нина подошла к Филдингу и немного с ним поговорила. Минуту спустя пистолет агента вернулся на свое место. Когда Зандт отвел взгляд от озера, Филдинг уже с невозмутимым видом сидел в машине.

Нина ждала Зандта у его машины с большой папкой под мышкой.

– Я сказала ему, что поеду с тобой, – коротко бросила она.

Пока Нина садилась, Зандт подошел к «лексусу». Филдинг посмотрел на него сквозь стекло с непонятным выражением на лице и завел двигатель, потом нажал кнопку и опустил стекло.

– Ладно, забудем на этот раз, – сказал он.

Зандт мрачно улыбнулся:

– Только на этот раз.

Филдинг наклонил голову:

– И что это должно означать?

– То, что, если мы снова встретимся и ты наставишь на меня пистолет, в каком-нибудь озере будут плавать ошметки федерального агента. И мне плевать, если это нанесет вред экологии.

Зандт отвернулся, оставив агента сидеть с открытым ртом.

Филдинг быстро дал задний ход, подняв облако пыли, нажал на газ и промчался мимо, притормозив лишь затем, чтобы показать средний палец правой руки.

Сев в машину, Зандт увидел, что Нина наблюдает за ним, сложив руки на груди и приподняв бровь.

– Ты все лучше умеешь обращаться с людьми, – сказала она. – Возможно, тебе стоит преподавать соответствующий курс или написать книгу. Я серьезно. Это твой дар. Не борись с ним, лучше поделись с другими. Будь тем, кто ты есть.

– Нина, заткнись.

До самой Пимонты они ехали молча. Нина сидела, положив папку на колени. Когда они вернулись в поселок, было уже темно и на улице появилось больше автомобилей местных жителей. Во многих окнах горел свет. Зандт остановился перед гостиницей, выключил двигатель, но не стал открывать дверцу, так что Нина продолжала сидеть рядом.

– Все еще хочешь есть? – наконец спросила она.

В машине начинало становиться холодно. Мимо уже прошли две пары, направляясь к главному зданию в предвкушении ужина.

Зандт вздрогнул, словно возвращаясь мыслями откуда-то издалека.

– Как пожелаешь.

Она попыталась улыбнуться:

– Мне все равно.

– Здесь – не все равно. Ужин с половины седьмого до девяти. Либо мы поедим сейчас, либо уже утром. Завтрак с семи до восьми и не слишком обильный.

– Здесь что, нигде не купить даже гамбургера? Или чуть позже они уже и сэндвич не могут приготовить?

Зандт повернулся к ней, и на этот раз его улыбка выглядела почти настоящей.

– Ты ведь не из этих краев, верно?

– Нет, слава богу. Как и ты. Там, откуда мы родом, можно поесть, когда захочешь. Даешь деньги, и тебе дают еду. Современно и удобно. Или ты столь долго тут прожил, что обо всем забыл?

Он не ответил. Неожиданно она уронила папку под ноги и открыла дверцу.

– Подожди здесь.

Зандт ждал, глядя через ветровое стекло, как она целеустремленно шагает к главному зданию. Голод, который он ощущал после дневной прогулки, давно прошел. Зато он чувствовал холод, как снаружи, так и изнутри. Он не привык иметь дело с теми, кто его знал, и ему было слегка не по себе – мысли и чувства никак не удавалось привести в порядок. Он долгое время провел в пути, и люди, которых он встречал, воспринимались лишь как некий фон: человек за стойкой бара, наполнявший его стакан; парень, несколько дней работавший на заднем дворе мотеля; некто на заправочной станции, который глядел в никуда поверх его машины, пока он заправлялся, а потом выехал на дорогу и быстро исчез. В последнее время он почти ни о чем не думал, чему помогало полное отсутствие каких-либо зацепок, касавшихся его прошлого существования. Появление Нины все изменило. Он пожалел, что не уехал днем раньше и что она, приехав, не обнаружила, что его уже нет. Но Зандт знал о ее настойчивости куда больше других и знал, что если уж она решила его найти, то сделала бы это во что бы то ни стало.

Он посмотрел на лежащую на полу папку. Она была толстая. У него не было никакого желания к ней притрагиваться, не говоря уже о том, чтобы заглянуть внутрь. Большая часть того, что там находилось, и так уже была ему хорошо известна. Остальное наверняка мало чем от нее отличалось. Его охватило странное чувство оцепенения, приглушавшего ужас, – будто острое лезвие обернули ватой.

Услышав звук закрывающейся двери, он поднял взгляд и увидел возвращающуюся от главного здания гостиницы Нину, которая несла что-то в руке. Он вышел из машины. Стало намного холоднее, небо приобрело свинцовый цвет. Шел снег.

– Господи, – сказала она, и пар от дыхания окутал ее лицо. – А ты и в самом деле не шутил. Еда на вынос не продается. Однако я все-таки купила вот это. – Она протянула ему бутылку ирландского виски. – Сказала, что мне очень нужно.

– Собственно, я больше не пью, – ответил он.

– Зато я пью, – сказала она. – А ты можешь сидеть и смотреть.

Она открыла дверцу и забрала папку. Зандт заметил, что она проверяет, не сдвинута ли та с места, желая узнать, не заглядывал ли он туда в ее отсутствие.

– Нина, почему ты здесь?

– Я приехала, чтобы тебя спасти, – ответила она. – Добро пожаловать назад в мир.

– А если я не хочу возвращаться?

– Ты уже вернулся. Просто еще об этом не знаешь.

– Что ты имеешь в виду?

– Джон, здесь холодно, как в морге. Давай зайдем в дом. Я уверена, ты столь же успешно сможешь испепелять меня взглядом и под крышей.

Он удивленно рассмеялся:

– Несколько грубовато, тебе не кажется?

Она пожала плечами:

– Ты же знаешь правила. Ты спишь с женщиной – она получает право командовать тобой всю оставшуюся жизнь.

– Даже если она сама это начала? И закончила?

– Насколько я помню, ни за первое, ни за второе ты не дрался зубами и когтями. В каком из этих деревенских сараев ты сейчас обитаешь?

Зандт кивнул в сторону своей пристройки, и Нина пошла прочь. Несколько мгновений он размышлял, не вернуться ли в машину и не уехать ли, но в конце концов передумал и последовал за ней.

Зандт развел огонь в камине, пока Нина сидела в потертом кресле, положив ноги на кофейный столик. Он понимал, что сейчас она анализирует окружающую обстановку в свете лампы: изношенные ковры, пообносившуюся, хотя и изящную мебель, картины, которые могли понравиться только владельцу гостиницы. Половицы были выкрашены в мягкий белый цвет, и в нескольких дюймах от ног Нины в вазочке стоял букет местных цветов. Зандт направился в ванную за стаканами.

Нина улыбнулась, глядя на пламя за каминной решеткой. Огонь потрескивал, словно радуясь пробуждению, готовый пожирать брошенное ему топливо. Казалось, прошло немало времени с тех пор, как она видела настоящий огонь. Он напомнил ей о каникулах в детстве, и она вздрогнула.

Когда Зандт вернулся, она открутила пробку с бутылки и налила две порции. Он немного постоял, словно не в силах заставить себя к ней присоединиться, но затем взял второй стул. В комнате постепенно начинало становиться теплее.

Она поднесла стакан обеими руками к губам и посмотрела через его край на Зандта.

– Ну, Джон, как ты жил все это время?

Он сел, уставившись прямо перед собой и не глядя на Нину.

– Просто расскажи обо всем, – сказал он.

Три дня назад девочка по имени Сара Беккер сидела на скамейке на Третьем бульваре в Санта-Монике, Калифорния, и слушала диск, вставленный в плеер, который ей подарили на четырнадцатилетие. Дома она напечатала на компьютере аккуратную этикетку со своим именем и адресом и приклеила ее сзади к плееру прозрачной лентой, чтобы не выцвели чернила. Хотя ей очень не хотелось портить гладкую хромированную поверхность, еще больше ей не нравилась мысль о том, что она может его потерять. Когда плеер нашли, оказалось, что она слушала альбом «Generation Terrorists» британской группы под названием «Мэйник стрит причерс»[7 - «Мэйник стрит причерс» – английская рок-группа, созданная в 1990 г. и выступающая в стилях панк-рок и альтернативный рок.] – хотя, как знала Сара, их обычно называли просто

«Маньяки». Группа не пользовалась особой популярностью в ее школе, что было одной из причин, по которой она слушала именно их. Все остальные грезил принцессами поп-музыки и безвкусными юношескими поп-группами или раскачивались в едином порыве под неразборчивые, понятные только им слова в сопровождении столь же неразборчивой мелодии в стенах концертного комплекса в Малибу. Сара предпочитала музыку, в которую создатели вложили хотя бы некоторый смысл. Она полагала, что для ее возраста это нормально. В четырнадцать лет ты уже не ребенок. По крайней мере, не в наши дни и не в Лос-Анджелесе. Не здесь и не в 2002 году. Ее родителям требовалось некоторое время, чтобы это понять, но даже они сознавали, что это так. Постепенно они свыкались с неизбежным, подобно неандертальцам, наблюдавшим за приближением первых орд кроманьонцев.

В том конце, где она сидела, возле фонтана напротив магазина «Барнс энд Нобль», бульвар в это вечернее время был почти пуст. В двери книжного магазина время от времени входили и выходили люди, а за стеклянными окнами в два этажа можно было видеть и других, сосредоточенно листавших журналы и книги, изучавших спецификации компьютеров или искавших магические заклятия в руководствах по прохождению игр. Год назад она вместе с родителями две недели провела в Лондоне, и тамошние книжные магазины поставили ее в совершеннейший тупик. Они действительно были весьма странными. Там не было ничего, кроме книг. Ни кафе, ни журналов, ни даже туалетов. Просто ряды книг. Люди выбирали их, покупали и снова уходили. Ее мать, похоже, считала, что это в каком-то смысле даже хорошо, но, по мнению Сары, подобное оказалось в числе тех немногих вещей, которые по-настоящему не понравились ей в Англии. В конце концов они нашли большой новый магазин «Бордерс», и она застряла там, обнаружив диск «Маньяков» в одной из стоек для прослушивания записей. Британские группы были классные, а «Маньяки» – в особенности. Да и в Лондоне, в общем-то, тоже было классно. Вот и все.

Она сидела, покачивая головой в такт певцу, громко объявлявшему себя «проклятым псом», и глядя на бульвар. В другом конце занимавшей три квартала пешеходной зоны располагались в основном рестораны. Отец высадил ее здесь двадцать минут назад и должен был вернуться за ней ровно в девять – как всегда происходило раз в месяц, когда она встречалась со своей подругой Сиан в «Бродвей дели», чтобы вместе поужинать. Идея эта принадлежала матери Сиан, которая пыталась свыкнуться со взрослением дочери, открывая перед ней все двери, какие только можно было найти, – из опасения, что хоть одна из них, оставленная закрытой, может разрушить сложившиеся между ними отношения.

Мать Сары достаточно легко с этим согласилась – отчасти потому, что все, как правило, соглашались с Моникой Уильямс, но еще и потому, что Зоя Беккер находилась со своей дочерью в достаточно тесном контакте для того, чтобы понять, насколько ей самой бы понравилось то же самое, будь она в ее возрасте. Отец Сары, однако, время от времени обладал правом вето, и какое-то время ей казалось, что он им обязательно воспользуется. Несколько месяцев назад случилось большое количество убийств, в которых были замешаны местные банды, – часть сезонного передела сфер влияния среди торговцев наркотиками. Однако в конце концов, после того как был предложен и одобрен ряд мер предосторожности – включая то, что ее будут привозить и забирать в строго определенное время и в строго определенном месте, она будет демонстрировать полностью заряженную батарею мобильного и выучит наизусть основные способы избегать неприятных случайностей, – отец согласился. Теперь же это стало частью распорядка их семейной жизни.

Проблема заключалась в том, что, когда они этим вечером приехали на место, Сиан на углу не оказалось. Майкл Беккер вытянул шею, глядя по сторонам.

– Ну и где же легендарная мисс Уильямс? – пробормотал он, постукивая пальцами по рулю.

Что-то у него не клеилось с сериалом, который он разрабатывал для студии Уорнера, из-за чего он постоянно нервничал. Сара в точности не знала, в чем именно проблема, но ей хорошо была известна убежденность отца в том, что в бизнесе существует бесконечное множество неверных путей и лишь один верный. Она видела предложения и наброски для пилотного эпизода шоу, отец даже несколько раз прибегал к помощи дочери, оценивая ее реакцию как представительницы потенциальной целевой аудитории. Собственно, к ее легкому удивлению, сериал оказался довольно занимательным. Во всяком случае, лучше, чем «Баффи» или, например, «Ангел»[8 - «Баффи, истребительница вампиров» и «Ангел» – популярные телесериалы, известные и российскому телезрителю.]. Она лично полагала, что сама Баффи – сплошное несчастье и что пожилой англичанин мало напоминал Хью Гранта[9 - Хью Грант (р. 1960) – английский актер. Самые известные фильмы: «Горькая луна» (1992, реж. Р. Полански), «Четыре свадьбы и одни похороны» (1994, реж. М. Ньюэлл) и др.], как тот, похоже, считал. Героиня «Темной перемены» была куда более сдержанной, не столь эффектной и не жаловалась постоянно на жизнь. К тому же, хотя Сара этого и не осознавала, ее прототипом во многом являлась дочь Майкла Беккера.

– Вон она, – сказала Сара, показывая вдаль.

Ее отец нахмурился:

– Не вижу.

– Да вот же – прямо под тем фонарем, рядом с «Хеннеси энд Инглс».

В это мгновение позади начал сигналить какой-то придурок, и отец обернулся, яростно глядя в заднее стекло. Он почти никогда не сердился в присутствии семьи, но иногда мог выплеснуть свой гнев на окружающих. Сара знала, поскольку недавно это проходили в школе, что таким образом устанавливается иерархия в асфальтовых джунглях, – но в душе ее беспокоило, что однажды отец начнет отстаивать свои права не перед той голой обезьяной, перед которой бы следовало. Похоже, он также не понимал, что отцы способны противостоять судьбе и что возраст не оказывает почти никакого влияния на силу их возмездия.

Она открыла дверцу и выскочила из машины.

– Я добежу, – сказала она. – Все будет в порядке.

Майкл Беккер, плотно сжав губы, наблюдал за нетерпеливым водителем «лебарона», пытавшимся их объехать. Затем он повернулся, и выражение его лица изменилось. На мгновение показалось, будто голова его вовсе не занята сценариями, проектами и расчетами гонораров для приглашенных актеров. Он просто выглядел очень усталым, нуждающимся в глотке крепкого кофе и снова похожим на ее отца.

– Увидимся позже, – подмигнув, сказала Сара. – Надеюсь, у тебя не случится сердечного приступа по пути домой.

Он посмотрел на часы:

– На это просто нет времени. Разве что на небольшие проблемы с простатой. В девять?

– Ровно. Я всегда прихожу раньше. Это ты опаздываешь.

– Бывает. Пока, юная леди.

– Пока, пап. Привет Тук-туку.

Она закрыла дверцу и некоторое время смотрела ему вслед. Он помахал ей, а потом исчез, вновь погрузившись в свой внутренний мир, отдавшись на милость тех, кто покупал слова на ярды и никогда толком не знал, что ему нужно, пока работа уже не шла полным ходом. Сара наверняка понимала лишь одно – в бизнесе ничто не дается даром.

Сиан под фонарем, конечно, не было. Сара солгала отцу, чтобы тот мог спокойно вернуться домой, к своей работе. В последующие десять минут она так и не появилась, а потом зазвонил телефон.

Звонила Сиан. В данный момент она стояла рядом с машиной матери на Сансет-бульваре, и в голосе ее слышалась неприкрытая досада. До ушей Сары доносился голос матери Сиан, метавшей гром и молнии в адрес какого-то несчастного механика, который, судя по всему, видел неподдельные страдания матери и дочери и очень хорошо представлял себе возможные последствия. Сара надеялась, что он отдает себе отчет в том, что если он быстро не починит машину, то может считать себя мертвецом.

Так или иначе, Сиан приехать не могла, что ставило Сару в затруднительное положение. Отец еще не добрался до дома, и голова его сейчас явно была забита карандашными пометками и исправлениями в сценарии, возможно, он уже звонил своему партнеру Чарли Уонгу, обсуждая, как придать проекту удобоваримый вид. На утро намечался некий большой деловой завтрак в студии, где предполагалось принять окончательное решение за кофе без кофеина и омлетом без холестерина. Она знала, что подобные встречи отец ненавидел больше всего, поскольку никогда не завтракал и терпеть не мог притворяться, вертя в руках тост или ковыряя в тарелке вилкой. Ей не хотелось, чтобы он нервничал еще сильнее, а от ее младшей сестры Мелани и без того будет слишком много шума.

И потому она решила – лучше вообще не звонить. В ее распоряжении имелось чуть меньше двух часов, а потом он за ней вернется. На бульваре полно было

всевозможных заведений, большинство из которых еще работали. Можно было выпить кофе фрапучино и просто погулять. Пройтись вокруг музея антропологии, заглянуть в «Барнс энд Нобль» на случай, если туда наконец завезли новые диски. Или даже зайти в «Дели» и самой съесть салат. Собственно, главное – быть в нужное время в нужном месте, а потом, в зависимости от настроения, либо признаться, что Сиан не пришла, либо притвориться, что все прошло как обычно.

Она набрала номер Сиан, чтобы удостовериться, что ее планам не помешает миссис Уильямс, позвонив матери Сары. Дозвониться она не сумела, – видимо, машину уже починили и она находилась где-то в каньоне, вне зоны связи. Сара была уверена, что если бы с ее матерью связались, то та бы уже обо всем знала. Над головой кружили бы вертолеты, и к ней по канату спускался бы Брюс Уиллис.

Она оставила Сиан сообщение, затем прошла несколько шагов и зашла в «Старбакс кофе». Ей вдруг пришло в голову, что, если бы она отправилась в «Дели», она могла бы съесть все, что захотела, вместо того чтобы заказывать салат лишь потому, что так они делали всегда, соблюдая диету за двадцать лет до того, как это стало бы необходимо. Например, можно было взять бифштекс. Огромный-преогромный бифштекс с кровью. И картошку фри.

Она подумала, что, возможно, это и означает быть взрослой и что это может оказаться весьма интересным.

Сара допила кофе и «Маньяки» допели последнюю свою песню, когда она увидела высокого человека, вышедшего из книжного магазина. Он не спеша прошел несколько ярдов, затем остановился и посмотрел на небо. Еще не стемнело, но уже сгущались сумерки. Сунув руку в карман, он достал сигареты и попытался извлечь одну из пачки, держа в другой руке тяжелый пакет, судя по всему с книгами. Так продолжалось несколько секунд, причем он, похоже, совершенно не замечал насмешливого взгляда Сары. Она полагала, что в такой ситуации поставила бы пакет на землю, но подобная мысль ему в голову, похоже, не приходила.

Наконец, выбившись из сил, он подошел к фонтану и поставил пакет на его край. Закурив сигарету, он упер руки в бока, огляделся по сторонам и лишь затем

посмотрел на нее.

– Привет, – весело сказал он.

Сейчас, с более близкого расстояния, ей показалось, что ему около сорока, может быть, чуть меньше. Она не была уверена в том, откуда это знает, поскольку прямо за головой у него горел фонарь и лицо было трудно разглядеть. У него просто был такой вид.

– Скажите еще раз.

– Гм... привет? – повторил он.

Она с важным видом кивнула:

– Вы англичанин.

– О господи. Это так заметно?

– Ну, в общем, у вас английский акцент.

– Ну да. Конечно. – Он еще раз затянулся сигаретой, потом посмотрел на скамейку. – Не против, если я присяду?

Сара пожала плечами, что не означало ни да ни нет. Как угодно. На скамейке полно было места. Так или иначе, через несколько секунд она пойдет есть салат. Или бифштекс. Она все еще не решила.

Незнакомец сел. Его вельветовые брюки выглядели не слишком новыми, но светлый пиджак смотрелся как с иголочки. У него были большие опрятные руки. Светлые волосы, выкрашенные в еще более яркий оттенок, приятные черты лица. Возможно, преподаватель колледжа – из тех, что не стал бы спать со студенткой, но мог бы, если бы захотел.

– Так вы актер или кто-то в этом роде?

– Да нет, ничего выдающегося. Просто турист.

– И давно вы тут?

– Пару недель.

Он полез в карман, достал небольшой блестящий предмет и откинул крышку – это оказалась маленькая карманная пепельница.

Сара с интересом наблюдала за ним.

– Англичане много курят, верно?

– Верно, – ответил незнакомец, который не был англичанином. Он загасил сигарету и сунул пепельницу обратно в карман. – Мы не боимся.

Они еще немного поболтали. Сара поделилась своими воспоминаниями о Лондоне. Незнакомец вполне убедительно поддерживал беседу, словно вернулся из Англии всего два дня назад. Однако он ничего не сказал о том, что пакет из «Барнс энд Нобль», который он держал в руках, был набит книгами, принадлежавшими ему уже несколько лет, и что он провел целый час в книжном магазине, отвернувшись от остальных покупателей и глядя в окно в ожидании, когда появится Сара. Вместо этого он попросил совета насчет того, что еще можно посмотреть в городе, и перечислил те части Лос-Анджелеса, где уже побывал, – набор стандартных приманок для туристов.

Сара, воспринявшая его просьбу вполне серьезно, предложила посетить Ла-Бреа, Родео-драйв и Уоттс-Тауэрс, что, по ее мнению, могло бы дать неплохое представление о том, где начинался Лос-Анджелес и каким он стал. К тому же, решила она про себя, на Родео-драйв он мог бы сменить свои вельветовые штаны на что-нибудь более *bon marche* [10 - Здесь: приличествующее обстановке (фр.).], как с гордостью заявляла Сиан, проведшая прошлые каникулы на Антильских островах.

Потом незнакомец замолчал. Сара подумала, что пора сходить поужинать, разглядывая по дороге витрины. Она уже собиралась попрощаться, когда он повернулся и посмотрел на нее.

– А ты очень красивая, – сказал он.

Это могло быть как правдой, так и нет – Сара сама не имела на этот счет определенного мнения, но слова эти однозначно прозвучали для нее как предупреждение: «Осторожно, псих!»

– Спасибо, – ответила она, и глаза ее неодобрительно вспыхнули. На мгновение ей показалось, что вечер стал чуть более холодным, затем самообладание вернулось к ней. – В любом случае приятно было пообщаться.

– Извини, – быстро сказал он. – Я понимаю, странно говорить такие вещи, но ты просто напомнила мне мою дочь. Она примерно твоего возраста.

– Ясно, – ответила Сара. – Здорово.

– Она сейчас дома, в Блайти, – продолжал незнакомец, словно не слыша ее. – С матерью. Знаешь, очень хочу их снова увидеть. Боже, храни королеву... Добрая старая Англия...

Он отвел взгляд и быстро огляделся по сторонам. Сара решила, что он смущен. На самом же деле он посчитал, что секунд через двадцать настанет самый удобный момент для реализации его плана. Он хорошо умел оценивать подобные вещи – так, чтобы вовремя оказаться в нужном месте и столь же быстро скрыться из виду. Незнакомец придвинулся на несколько дюймов ближе к девочке, которая встала.

– Ладно, – сказала Сара. – Мне пора.

Незнакомец рассмеялся, словно почувствовав, что нити судьбы наконец сошлись воедино. Схватив Сару за руку, он неожиданно резко потянул. Она тихо вскрикнула и упала обратно на скамейку, слишком потрясенная для того, чтобы сопротивляться.

– Пустите, – сказала она, стараясь сохранять спокойствие. Земля, казалось, уходила у нее из-под ног, голова кружилась. Она почувствовала себя так, словно ее застигли за ложью или кражей.

– Красивая девочка. – Он сильнее сжал ее руку. – Хорошенькая.

– Пожалуйста, отпустите меня.

– Да заткнись ты, – пробормотал он уже без какого-либо притворного английского акцента. – Глупая маленькая сучка.

Крепко сжав кулак, он нанес ей короткий удар прямо в лицо.

Голова Сары дернулась назад, глаза широко раскрылись.

«О нет, – в смятении подумала она. – О нет!»

– Смотри, Сара, – тихо и повелительно произнес незнакомец. – Посмотри на этих счастливых людей. Не таких, как ты.

Он кивнул в сторону бульвара. Всего в квартале от них улица полна была народу. Люди входили в магазины и выходили из них, бросали изучающие взгляды на меню ресторанов. Вокруг Сары и незнакомца не было ни души.

– Когда-то здесь был просто лес, понимаешь? Неровное побережье, камни, раковины. Несколько следов на песке. Если сидеть тихо, то можно услышать, как тут было раньше, прежде чем появилось все это дерьмо.

Моргая полными слез глазами, Сара пыталась понять, к чему он клонит. Может быть, еще можно было что-то сделать, как-то выдержать это неожиданное испытание, как-нибудь выкарабкаться.

– Но люди ничего не видят, – продолжал он. – Они даже не смотрят. Они добровольно обрекли себя на слепоту, запершись в своих машинах.

Схватив девочку за волосы, он повернул ее голову так, чтобы она могла видеть окна «Барнс энд Нобль». Там, внутри, тоже было полно народу. Люди читали, стояли, разговаривали. Зачем смотреть на улицу, если ты находишься вечером в книжном магазине? А даже если и так – увидишь ли нечто большее, чем две темные фигуры на скамейке? Что в этом такого исключительного?

– Мне бы следовало проделать это с тобой прямо здесь и сейчас, – спокойным тоном произнес незнакомец. – Просто чтобы показать, что это вполне возможно. Что никого на самом деле это не волнует. Когда тебя окружают люди, которых ты никогда не знал, – как можно понять, что правильно, а что нет? На пяти квадратных милях заразы – кого беспокоит, что случится с одним крошечным вирусом? Только меня.

Сара поняла, что спасения ждать неоткуда, ни сейчас, ни когда-либо, и приготовилась закричать. Незнакомец почувствовал, как расширилась ее грудь, и его рука быстро обхватила ее лицо, крепко зажав двумя пальцами верхнюю губу. Крик так и не вырвался из ее горла. Сара попыталась сопротивляться, но рука удерживала ее, надавливая всем своим весом ей на голову.

– Никто нас не видит, – заверил ее незнакомец все с тем же полным презрения спокойствием. – Я пришел сюда и могу уйти так, что никто не заметит.

Изо рта девочки слышались неразборчивые звуки, словно она хотела что-то сказать. Похоже, он понял.

– Нет, – ответил он. – Они сюда не едут. Они дома. Мама валяется в луже крови на кухне, а папа с сестренкой в саду, оба голые. Интересная картина. Кому-то она могла бы даже показаться непристойной.

На самом деле мать Сары вместе с Мелани в это время смотрела повтор «Симпсонов»[11 - «Симпсоны» – популярный американский юмористический мультсериал.]. Как навсегда запомнила Зоя Беккер, это был эпизод, в котором Джордж Буш приезжает в Спрингфилд. Майкл Беккер лихорадочно печатал у себя в кабинете, обнаружив, как он отчаянно надеялся, способ сделать все как надо. Если бы ему удалось поправить начальные десять минут и придумать, как убедить руководство, что некоторые персонажи должны быть старше подросткового возраста, то все было бы в порядке. Если бы не вышло – черт побери, он просто сделал бы их всех подростками и восстановил бы все эти проходы камеры перед школой, как и хотел Уонг. В нескольких милях от них Сиан Уильямс только что получила сообщение Сары и испытывала легкую зависть к своей подруге, оказавшейся в одиночку на улице, – такое приключение!

– Если и дальше будешь дергаться, – сказал незнакомец, – я выдеру тебе зубы. Обещаю. Это нелегко, но стоит того. Действительно, очень необычный звук.

Сара замерла неподвижно, и несколько мгновений оба не двигались. Незнакомцу, похоже, доставляло удовольствие сидеть таким образом, зажимая рукой рот девочки и не давая ей закричать, словно они сейчас делились самым сокровенным посреди оживленной улицы.

Потом он вздохнул, словно с неохотой откладывая в сторону увлекательный журнал, и встал, увлекая Сару за собой. Ее плеер с легким стуком упал на землю. Незнакомец лишь бросил на него взгляд и оставил лежать на месте.

– До свидания и спокойной ночи, добрые люди, – сказал он, повернувшись к дальнему концу улицы. – Все вы будете гореть в аду, и я бы с удовольствием вас туда препроводил.

Его правая рука обхватила Сару за голову, еще сильнее зажав ладонью рот. Другой рукой он поднял пакет с книгами.

– Но у меня свидание, и нам нужно идти.

Быстрыми и большими шагами он поволок Сару через улицу в аллею, где стояла его машина. У нее не оставалось иного выбора, кроме как следовать за ним. Он был высок и очень силен.

Распахнув заднюю дверцу, он снова схватил Сару за волосы и пристально посмотрел ей в лицо. Близость его физиономии перепугала ее настолько, что она лишилась способности хоть что-то соображать.

– Идем, моя дорогая, – сказал он. – Экипаж ждет.

А затем он с размаху ударил ее головой между глаз.

У Сары подогнулись колени, и последняя ее мысль оказалась сухой и прозаичной. В столике возле ее кровати лежал блокнот, в котором она записывала многие свои мысли. Некоторые из самых последних касались секса – размышления о той части жизни, которую ей еще не довелось испытать, но

которая, несомненно, должна была наступить. По большей части это были изложения того, что ей рассказывала Сиан, но она использовала и свое собственное воображение плюс то, что видела по телевизору, в фильмах и в журнале, который нашла возле мола.

Блокнот был спрятан, но не слишком хорошо. И если она умрет, подумала Сара, то мать с отцом найдут его и поймут, что она сама навлекла на себя крупные неприятности в этот вечер.

Многого из всего этого Нина не знала, но именно такова была суть события, которое она описала. Рассказав обо всем, что было ей известно, она долила виски себе в стакан. Стакан Зандта остался нетронутым.

– Четверо свидетелей видели Сару Беккер на скамейке между семью двенадцатью и семью тридцатью одной минутой. Описания мужчины, который был с ней, варьируются от «неопределенной внешности, вроде бы высокий» до «черт возьми, не знаю» и «ну, мужик как мужик». Мы даже в точности не знаем его возраста и цвета кожи, хотя двое утверждают, что он был белым и блондином. Еще двое говорят, что на нем был длинный плащ, другой – что спортивная куртка. Никто не видел, как они ушли, несмотря на то что в нескольких ярдах от скамейки проходило множество людей. Если этот человек провел какое-то время в книжном магазине, прежде чем пристать к ней, то никто его не заметил. Еще один свидетель заявляет, что видел автомобиль неопределенного цвета и марки в ближайшей боковой улице. Возможно, что номерной знак заслонили специально поставленной урной – что довольно-таки ловко, хотя и требует немалой уверенности в себе. Любой мог просто передвинуть урну, к тому же машина стояла в неподобающем месте. В восемь пятнадцать машины уже не было.

Отец девочки подъехал к южному концу бульвара в девять ноль семь. Он остановился на обычном месте и подождал. Когда через несколько минут не появились ни его дочь, ни Сиан Уильямс, он пошел в ресторан. Там ему сказали, что не обслуживали никого, кто соответствовал бы его описанию, хотя столик на имя Уильямс действительно был заказан, но клиент не явился. Позвонив матери второй девочки, он выяснил, что ужин был отменен в последний момент из-за неполадок в машине Уильямсов. Машину проверили, но мы не можем с уверенностью сказать, что ее не повредили намеренно.

Майкл Беккер потребовал разговора с самой девочкой и в конце концов узнал, что Сара оставила сообщение, в котором говорилось, что она не хочет беспокоить отца и собирается просто прогуляться и подождать, пока ее заберут как обычно. Он обшарил всю улицу, но нигде не нашел и следа дочери. Наконец он добрался до дальнего конца бульвара и, после того как заглянул в «Барнс энд Нобль», заметил плеер «Сони», лежавший под скамейкой. Он однозначно принадлежал его дочери – во-первых, потому, что она наклеила на него этикетку, а во-вторых, он сам его покупал. Внутри был диск с записью альбома ее любимой группы – на стене в ее спальне висит их плакат. Затем Беккер позвонил шерифу, в полицию Лос-Анджелеса, а также, как ни странно, своему агенту, – видимо, он считал, что ей проще будет общаться с полицией, чем ему. Позвонив жене, он велел ей оставаться на месте, на случай, если дочь вернется домой на такси.

Обыскали все окрестности. Ничего. На плеере нет ничьих отпечатков, кроме самой девочки. Вокруг скамейки валялось около сотни окурков, но мы даже не знаем, курил ли преступник. Один из свидетелей сказал, что, возможно, тот курил, и теперь какой-то несчастный в лаборатории пытается провести анализ ДНК целого мешка окурков.

– Отец вне подозрений.

– Однозначно. Они были очень близки, в нормальном понимании этого слова. И все же в первые несколько дней кое у кого могли бы возникнуть подобные мысли. Но нет. Мы не считаем, что это он, да и время совершенно не сходится. Мы также исключили из числа подозреваемых его партнера, Чарльза Уонга, который находился в Нью-Йорке.

Зандт медленно поднял стакан, осушил его и снова поставил. Он знал, что виски еще есть.

– А потом?

Нина убрала ноги со столика и подняла с пола папку. Внутри, в дополнение к большому количеству копий документов, лежал тонкий пакет, завернутый в коричневую бумагу. Однако из папки она достала не его, а фотографию.

– Это появилось в доме Беккеров вечером следующего дня, примерно с половины четвертого до шести. Его нашли на дорожке.

Она протянула фотографию Зандту.

На ней был изображен девичий свитер, бледно-лиловый, аккуратно свернутый в виде квадрата и обвязанный чем-то вроде рубчатой ленты.

– Он был обвязан сплетенными волосами. Они достаточно длинные и того же цвета, так что вполне могут принадлежать Саре. Эксперты взяли пробы с ее расчески, и очень скоро мы получим подтверждение.

Зандт заметил, что его стакан снова наполнен, и выпил. Виски жгло его пересохший рот, и его подташнивало. Казалось, будто вместо головы у него воздушный шар, чересчур сильно надутый и плавающий в нескольких дюймах над его шеей.

– «Человек прямоходящий», – сказал он.

– Что ж, – рассудительно проговорила Нина, – мы связались с семьями жертв, погибших два и три года назад, и со всеми офицерами, принимавшими участие в расследованиях этих дел. Мы в достаточной степени убеждены, что информация о содержимом посылок, которые он тогда оставлял, сохранена в тайне. И тем не менее это может быть подражатель – хотя я в этом сомневаюсь. Но сейчас мы сканируем все средства связи, включая Интернет, на любое использование слов «человек прямоходящий» или «мальчик на посылках».

– Интернет?

– Угу, – сказала она. – Такая компьютерная штука. Бурно развивающаяся.

– Это он, – повторил Зандт, вполне осознавая, сколь горькая ирония звучит в его словах наряду с уверенностью.

Нина посмотрела на него, а затем, словно нехотя, снова потянулась к папке. На этот раз на фотографии был изображен свитер после того, как его аккуратно развернули и разложили на плоской поверхности. Спереди было вышито имя

Сары, без особого изыска, но аккуратными печатными буквами.

– Для того чтобы вышить имя, использовались темно-коричневые волосы. Они намного суше, чем те, которые мы считаем принадлежащими Саре, из чего можно предположить, что их срезали некоторое время назад.

Она замолчала, а Зандт медленно полез в карман, откуда достал пачку «Мальборо» и спички. С тех пор как они вошли в номер, он ни разу не закурил. Пепельницы в комнате не было. Руки его, когда он доставал сигарету, почти не дрожали. Он не смотрел на нее, лишь сосредоточенно разглядывал спичку, которую зажигал, словно та была неким незнакомым предметом, о назначении которого можно было догадаться лишь интуитивно. Ему потребовалось три попытки, чтобы спичка зажглась, но коробок мог и отсыреть.

– Я распорядилась, чтобы темно-коричневые волосы исследовали в первую очередь. – Она глубоко вздохнула. – Это вызов, Джон. Это волосы Карен.

На некоторое время оставив его одного, Нина вышла наружу, стоя на холоде и вслушиваясь в темноту. Из главного здания доносился приглушенный смех, и в окно можно было увидеть разновозрастные пары в удобных свитерах, строившие планы на завтрашнюю прогулку. Дверь с другой стороны была открыта, и оттуда слышался звон посуды, которую мыл некто, кому она не принадлежала. В кустах по другую сторону дороги что-то зашуршало, но она ничего не увидела.

Когда Нина вернулась, Зандт сидел в той же позе, в какой она его оставила, хотя и с новой сигаретой. Он даже не посмотрел на нее.

Она неумело подбросила несколько поленьев в камин, не в силах вспомнить, нужно ли укладывать их сверху или по бокам. Потом села в кресло и налила себе еще виски. Так они просидели всю ночь.

К концу дня я успел побеседовать с полицией и персоналом больницы, а до этого – с соседями моих родителей и сделать из этих разговоров соответствующие выводы.

В полицию я позвонил прямо из дома, и меня соединили с офицером Сперлингом, – к счастью, он был не из тех, кто допрашивал меня после инцидента в баре отеля. Сперлинг и его напарник оказались первыми на месте автокатастрофы, вызванные проезжавшим мимо водителем. Офицеры Сперлинг и Макгрегор оставались на месте происшествия до прибытия врачей и пожарных и помогали извлекать тела из машины. Они поехали следом за «скорой» в больницу, и в присутствии Сперлинга Дональд и Элизабет Хопкинс были объявлены погибшими на месте. Личность их была установлена на основании водительских удостоверений и затем через два часа подтверждена Гарольдом Дэвидсом (адвокатом) и Мэри Ричардс (соседкой).

Офицер Сперлинг с сочувствием отнесся к моему желанию установить обстоятельства смерти моих родителей. Он сообщил мне фамилию врача из больницы и посоветовал заглянуть туда. Почему-то мне показалось, что он ждет от меня ответной благодарности, но пока что я просто с ним попрощался, а он пожелал мне всего наилучшего. Я закончил разговор, надеясь, что не встречался с ним, когда заходил в участок, чтобы забрать пистолет, – хотя вполне вероятно, что он уже обо всем знал. Совет обратиться к врачу вполне мог иметь под собой некую основу.

Поймать врача оказалось намного сложнее. Когда я позвонил в больницу, ее не было на работе, и, судя по тому, как долго мне пришлось вытягивать эту информацию, посредством ряда разговоров с задерганными медсестрами и прочими обладателями раздраженных голосов, я понял, что мне еще повезет, если я сумею связаться с ней по телефону после того, как она появится. Больница предназначалась для живых. Как только ты умирал – ты становился лишь нежелательным напоминанием, никоим образом их не касающимся.

Я поехал в больницу сам и прождал почти час. Наконец доктор Майклс соизволила выйти из своего бункера и поговорить со мной. Ей было лет тридцать, она старательно изображала крайнюю усталость и очень была довольна собой. Снисходительным тоном она сообщила мне все то же, о чем я уже знал. Тяжелые травмы головы и верхней части тела. Смерть наступила мгновенно. Если это все – то не мог ли бы я ее извинить. Она очень занята, и ее ждут пациенты. Я был крайне счастлив избавиться от ее общества, и меня так и

подмывало слегка помочь ей пинком под зад.

Я вышел из больницы. Стемнело – осенью вечер наступает рано. Несколько машин на стоянке казались одноцветными и безымянными в свете ярких фонарей. Неподалеку стояла молодая женщина, которая курила и тихо плакала.

Я подумал о том, что делать дальше. Найдя записку, я какое-то время просто сидел на кофейном столике. Ощущение пустоты в голове и тошноты в желудке не проходило. Пролистав книгу, я обнаружил, что больше там ничего нет. Записка, вне всякого сомнения, была написана почерком отца.

«Уорд. – Почерк не слишком крупный, но и не слишком мелкий, не жирный, но и не чересчур слабый. – Мы не умерли».

Отец написал это на листке бумаги, положил его в книгу, а затем сунул ее внутрь своего старого кресла, позаботившись о том, чтобы вернуть на место прикрывавшую шов бахрому. Записка, отрицавшая факт их смерти, была помещена в такое место, где ее можно было найти лишь в том случае, если бы они умерли. Каким еще образом я мог бы оказаться в доме один? Что бы я стал делать в его кресле? Тот, кто спрятал записку, явно предполагал, что в тех обстоятельствах, которые привели меня в дом, я обязательно сяду в старое кресло – несмотря на то, что прекрасно знаю о том, что оно самое неудобное в комнате. Поскольку именно так и произошло, он оказался прав. Я действительно некоторое время просидел в этом кресле. И для меня вполне логично было поступить так, если бы умерли мои родители, – или, по крайней мере, я хотя бы посмотрел на него, может быть, провел по нему рукой. Именно так должен был поступить охваченный горем сын.

Но – и эта мысль не давала мне покоя – это означало, что за какое-то время до смерти кто-то из них, или оба, задумался о том, что, вероятнее всего, может произойти после того, как они умрут. Они тщательно продумали возможную ситуацию и сделали выводы о моем вероятном поведении. Почему? Почему они думали о смерти? Это было странно, бессмысленно.

Если предполагать, что они на самом деле мертвы.

С мыслью о том, что последние несколько дней были фарсом, что мои родители, возможно, вовсе не погибли, нелегко было примириться. И все же сердце у меня

забилось сильнее, как это бывало каждую ночь с тех пор, как позвонила Мэри. Даже если я и не слишком интересовался их жизнью, а порой готов был с ними поругаться из-за «Движимости» – мне хотелось, чтобы мои родители были живы. Но когда ранена плоть – тело в считанные секунды принимается за работу. Появляются белые кровяные тельца, заделывая повреждения любой ценой. Тело защищает себя, и точно так же поступает разум – медленно и неуверенно, словно за дело берутся равнодушные ремесленники, но несколько минут спустя вокруг травмы начинает формироваться защитный барьер, притупляя края и в конечном счете затягивая ее рубцовой тканью. Подобно осколку стекла, погрузившемуся глубоко в рану, неприятное событие больше не всплывает в памяти, но часто из-за неосторожного движения задевает нервные окончания, причиняя жгучую боль. Однако, несмотря на это, не возникает никакого желания взять нож и снова вскрыть рану.

Я вышел из дома, тщательно заперев за собой дверь, и пошел к жившей по соседству Мэри. Похоже, она обрадовалась и удивилась, увидев меня. Приготовила кофе и пирог в опасных количествах. Чувствуя себя несколько не в своей тарелке, я кружными путями выяснил, что мои родители, судя по всему, в предшествующие катастрофе дни и недели вели себя как обычно и что – как позднее подтвердил офицер Сперлинг – Мэри опознала их тела. Это мне уже было известно. Она говорила мне об этом по телефону, когда я был в Санта-Барбаре. Мне просто нужно было услышать это еще раз. Конечно, я сам мог увидеть тела в похоронной конторе, вместо того чтобы два дня сидеть в отеле. Но я этого не сделал, из-за чего сейчас мне было стыдно. Тогда я просто сказал себе, что для меня важно запомнить их такими, какими они были при жизни, а не в виде двух кусков изуродованного мяса. И это было правдой. Но я еще и боялся самой мысли об этом, да и просто у меня не было такого желания.

Выйдя от Мэри, я направился к соседям по другую сторону от дома. Мне почти сразу же открыла молодая женщина, застав меня врасплох. Одежда ее была обильно запачкана краской, а коридор позади нее наполовину выкрашен в цвет, показавшийся мне выбранным не слишком осмотрительно. Я представился и объяснил, что случилось с ее соседями. Она об этом уже знала, чего вполне следовало ожидать. Она выразила мне свои соболезнования, и мы немного поговорили. Ничто в ее поведении не намекало на то, что случившееся не стало для нее неожиданностью или что она замечала какие-либо странности у одного или обоих Хопкинсов. На том мы и распрощались.

Я позвонил в полицию, а затем поехал в больницу. Стоя посреди автостоянки после разговора с доктором, я решил, что трех подтверждений вполне достаточно. Мои родители умерли. Только глупец стал бы продолжать выяснять что-либо дальше. При желании я мог на следующий день поговорить с Дэвидсом – в конторе я его не застал и оставил ему сообщение, – но знал, что все, что он мне скажет, приведет к тому же самому выводу. Записка оказалась вовсе не тем, что могла бы подразумевать. Она ничем не могла помочь моему горю и изменить то, что уже случилось.

Однако должна была существовать какая-то причина для ее появления, даже если в итоге она заключалась бы в том, что один из моих родителей был не вполне психически здоров. Наличие записки что-то означало, и я понял, что мне необходимо знать – что именно.

Я обыскал гараж, а затем мастерскую отца в подвале. У меня было такое чувство, словно я должен найти нечто конкретное, но не знал что и просто искал наугад. Дрели, заточные станки, прочие инструменты непонятного назначения. Гвозди и шурупы разнообразных размеров, аккуратно рассортированные. Многочисленные куски дерева, ставшие бесполезными после его смерти. Ничто не казалось находящимся явно не на месте, все было разложено тщательно и со старанием, как и следовало ожидать. Если внешний порядок можно считать признаком умственного здоровья – мой отец был таким же, как всегда.

Вернувшись в дом, я обследовал первый этаж. Кухня и подсобное помещение, гостиная, кабинет отца, столовая и часть террасы, которую когда-то застеклили, превратив в веранду. Здесь я искал более внимательно, заглядывая под каждую подушку, под ковры, за каждый предмет мебели. Я посмотрел в ящиках шкафа, под телевизором, но не нашел ничего, кроме аппаратуры и пары DVD-дисков. Я вытащил все из буфета в кухне, заглянул в духовку и кладовую. Я перетряхнул каждую книгу, какую мне удалось найти, как на книжных полках в коридоре, так и среди пачек макарон, где они лежали по странной привычке моей матери. Книг было множество, и времени потребовалось немало. Особенно в кабинете отца, куда я отправился в первую очередь. Я перерыл ящики его стола, все полки, заглянул в каждую папку в дубовом комоде. Я даже включил его компьютер и бегло проглядел несколько файлов, хотя это казалось мне непрошеным вторжением. Мне бы не понравилось, если бы кто-то, кто по-настоящему меня любил, просматривал содержимое моего ноутбука. Меня бы тогда, вероятно, достали даже из-под земли и сожгли бы живьем. Вскоре стало

ясно, что для того, чтобы прочитать всю информацию в машине, потребуется слишком много времени и что, скорее всего, там не окажется ничего, кроме счетов и рабочей переписки. Я оставил машину включенной, с мыслью вернуться к ней, если ничего другого не обнаружится, но мой отец не был любителем компьютеров. Вряд ли бы он поместил еще одно сообщение в таком месте, которое не мог бы сам потрогать руками.

Вскоре я начал чувствовать усталость – не от физических усилий, которые были минимальны, но от эмоционального напряжения. Тщательное исследование жизни моих родителей вызвало у меня еще более яркие воспоминания, особенно о совершенно банальных вещах. Вставленная в рамку копия контракта на первый дом, проданный «Движимостью», увенчанная логотипом, который, как я теперь понял, был нарисован от руки – вероятно, матерью. Альбом с рецептами для детского питания, включая лазанью, запах которой я вновь почувствовал, едва прочитав список ингредиентов.

Решив немного передохнуть, я провел пятнадцать минут в кухне с бутылкой минеральной воды, которую нашел в холодильнике. Я еще раз попытался поставить себя на их место, подумать, что могло бы стать очевидным следующим шагом. Предполагая, что они оставили записку в кресле, чтобы привлечь мое внимание, имело смысл точно так же предположить, что и следующая записка или намек окажутся в некоем достаточно заметном для меня месте. Я даже представить не мог, где именно. Я перевернул все вверх дном – но ничего не нашел.

Поиски на втором этаже точно так же закончились неудачей. Я заглянул под кровать в их комнате, обыскал ящики всех шкафов. Глубоко вздохнув, начал перебирать содержимое гардероба, обращая особое внимание на те предметы, которые были мне знакомы, – старые куртки отца, поношенные сумочки матери. Я нашел несколько мелочей – чеки из магазинов, корешки билетов, горсть мелочи, – но ничего такого, что могло хоть что-то значить. На какое-то время я задержался над коллекцией старых галстуков, аккуратно сложенных у задней стенки отцовской половины шкафа. Большую часть из них я никогда прежде не видел.

Я даже обследовал чердак, забравшись туда через небольшой люк в потолке коридора на втором этаже. Отец в свое время провел туда освещение, но не более того. На чердаке не оказалось ничего, кроме пыли и двух пустых чемоданов.

В конце концов я спустился вниз и вернулся к отцовскому креслу. Близился вечер. Мне так ничего и не удалось найти, и я начинал чувствовать себя крайне глупо. Возможно, я просто пытался отыскать несуществующий порядок среди хаоса. Сев в кресло, я еще раз перечитал записку, которая значила не больше и не меньше прежнего, сколько раз ее ни читай.

Я поднял голову, и мой взгляд снова упал на телевизор. Кресло было расположено в точности напротив него, и мне вдруг пришла в голову мысль. Если я был прав относительно того, что оно казалось слегка не на месте, то, возможно, его сдвинули не просто для того, чтобы привлечь к нему мое внимание, но и для того, чтобы заставить меня посмотреть совсем в другую сторону.

Я встал и открыл стеклянные дверцы полки под телевизором. Там обнаружилось в точности то же самое, что и прежде, – видеомагнитофон, DVD-плеер и два диска со старыми фильмами. Ничего больше.

И ни одной кассеты. Странно.

Во всем доме я не нашел ни одной видеокассеты. В кабинете висели две полки с DVD-дисками, и еще одна – во второй спальне. Но ни единой кассеты.

Мой отец был полупрофессиональным кинозрителем. Сколько я себя помнил, по всему дому валялись видеокассеты. Куда же они подевались теперь?

Я быстро вернулся в кабинет. Кассет там тоже не оказалось, несмотря на то что на низкой полке стоял второй видеомагнитофон. Я не стал снова обшаривать ящики стола или комод – там все равно ничего не было, так же как не было ничего во всем доме, в мастерской или в гараже. Я попытался вспомнить День благодарения в прошлом году, когда я заехал к родителям на сутки, – но так и не вспомнил, видел ли я тогда видеокассеты. Впрочем, большую часть времени я тогда был основательно пьян.

Возможно, отец воспринял DVD как зарю давно ожидаемой новой эры домашних развлечений, объявил видеокассеты пережитком прошлого и устроил костер в саду. Впрочем, вряд ли. В Дайерсбурге наверняка была свалка, но и этот сценарий казался мне маловероятным. Даже если с течением времени он

обнаружил, что ему хочется пересматривать все меньше фильмов, он не стал бы выбрасывать все свои любимые. У меня возникла мысль, не стало ли столь тщательное уничтожение с виду совершенно обычных вещей еще одним способом привлечь внимание того, кто хорошо тебя знает и кто прекрасно представляет, что именно составляет часть твоего окружения.

Либо это, либо я начал терять объективный взгляд на происходящее, зайдя слишком далеко ради бессмысленной цели. Я уже обшарил весь дом. И не имело никакого значения, что у меня появилась идея, сколь бы иллюзорной она ни была, насчет того, что именно следует искать. Я все равно ничего не нашел. Мне уже хотелось есть, и я начинал злиться. Если они действительно полагали, что мне необходимо что-то сообщить, – зачем такие ухищрения? Почему бы просто не сказать мне об этом по телефону? Оставить письмо у Дэвидса? Послать по электронной почте? Иначе никакого смысла.

Но я уже знал, что если я уйду из дома – то только навсегда. Лучше было еще раз убедиться. Хотелось, чтобы рана зарубцевалась окончательно.

Включив наружный свет, я вышел на террасу. Все доски в полу были плотно пригнаны друг к другу, к тому же под ними практически не было пространства, где можно было бы пролезть. За углом стоял большой деревянный ящик, но спустя утомительную пару минут выяснилось, что в нем нет ничего, кроме дров и пауков. Я немного прошелся по двору, затем повернулся и раздраженно уставился на дом.

Труба, крыша, окна. Комнаты на верхнем этаже. Спальня родителей. Комната для гостей.

Я снова вошел внутрь. Когда я проходил мимо отцовского кабинета, что-то привлекло мой взгляд. Остановившись, я заглянул в комнату, не вполне уверенный в том, что же именно увидел. Однако через пару секунд я понял – видеомэгнитофон.

Как последний идиот, я не удосужился заглянуть внутрь обоих аппаратов. Сперва я проверил тот, который стоял в гостиной. Он оказался пуст. Затем я прошел в кабинет и склонился над видеомэгнитофоном в поисках кнопки выброса. Нажав ее, я услышал неприятное жужжание, но ничего не произошло. А потом я понял, что все из-за того, что крышка кассетного отсека заклеена

черной клейкой лентой.

Предупреждение, чтобы туда не вставляли кассету или чтобы отец не сделал этого случайно? Вряд ли – если бы аппарат испортился, он просто заменил бы его другим.

Я попытался отодрать ленту, но та не поддавалась. Тогда я достал из кармана нож с двумя лезвиями – одно широкое и острое, а другое в виде отвертки. Удивительно, как часто приходится пользоваться одним сразу после другого. Открыв острое лезвие, я прорезал ленту по центру.

Внутри кассетного отсека что-то было. Я продолжал резать и отдирать ленту, пока не сработала кнопка выброса. Аппарат сердито зажужжал, крышка открылась.

Наружу выползла стандартная видеокассета. Я вынул ее и долго разглядывал.

Я уже начал выпрямляться, когда с лестницы послышался голос отца:

– Кто тут? Уорд?

После мгновенного шока мне нестерпимо захотелось как можно быстрее оказаться где-нибудь в другом месте. Не важно где, хоть в Алабаме – лишь бы почувствовать себя в безопасности.

Я отскочил назад, выронив кассету и едва не растянувшись во весь рост на полу. Схватив кассету с пола, я сунул ее в карман, почти бессознательно, чувствуя себя застигнутым врасплох, виноватым и крайне уязвимым. Шаги послышались на верхних ступенях лестницы, на секунду смолкли, а затем начали приближаться к двери кабинета. И того, кому они принадлежали, мне совершенно не хотелось видеть.

Конечно, это вовсе не был мой отец. Просто похожий голос, раздавшийся из ниоткуда в пустом доме. На лестничной площадке появился Гарольд Дэвидс, выглядевший постаревшим, взволнованным и раздраженным.

– Господи, – сказал он. – Вы меня до смерти перепугали.

Я судорожно выдохнул:

– Кому вы говорите...

Дэвидс перевел взгляд на мои руки, и я понял, что до сих пор держу нож. Сложив лезвие, я начал было убирать его в карман, но сообразил, что там лежит видеокассета.

– Что вы здесь делаете? – спросил я, стараясь говорить вежливо.

– Я получил сегодня ваше сообщение, – сказал он, снова медленно поднимая глаза. – Позвонил в отель, но вас там не было, так что я подумал, не здесь ли вы.

– Я не слышал звонка в дверь.

– Входная дверь была не заперта, – слегка раздраженно сказал он. – И я забеспокоился, что кто-то мог услышать, что в доме никого нет, и вломиться сюда.

– Нет, – ответил я. – Это всего лишь я.

– Вижу. Так что можно считать инцидент исчерпанным.

Он весело приподнял бровь, и мое сердцебиение постепенно вновь вернулось в норму.

Уже в холле он спросил, зачем я звонил. Я ответил – мол, ничего особенного, просто хотел уточнить кое-какие юридические детали по поводу завещания. Он рассеянно кивнул и направился в гостиную.

– Уютная комната, – помолчав, сказал он. – Мне будет ее не хватать. Если можно, то я буду время от времени заходить сюда – мало ли придет какая почта?

– Отлично.

Вряд ли стоило ждать от него каких-то дурных намерений, но и в доме оставаться мне больше не хотелось. Я снова поднялся в кабинет отца, чтобы выключить компьютер. Раньше я уже заметил, что у отца был ленточный накопитель, и, повинувшись некоему импульсу, запустил копирование на него содержимого жесткого диска.

Когда я наконец все выключил и снова вышел, Дэвидс стоял у входной двери, снова столь же оживленный, как и прежде.

Я пошел вместе с ним по дорожке. Похоже, он не слишком спешил вновь вернуться к своим делам и спросил меня насчет планов по поводу дома. Я ответил, что пока не знаю, оставляю его себе или продам, и принял от него предложение помочь как в том, так и в другом случае. Еще минут пять мы постояли возле его большого черного автомобиля, говоря о пустяках. Кажется, он давал мне какие-то рекомендации по поводу хорошего ресторана, но есть мне больше не хотелось.

Наконец он забрался на сиденье водителя и тщательно пристегнулся, с видом человека, который в любом случае не собирается умирать. Последний раз бросив взгляд на темный силуэт дома, он с серьезным видом кивнул мне. Мне показалось, что в отношениях между нами что-то изменилось, и я подумал, не включил ли Дэвидс в список вопросов, требующих дальнейшего рассмотрения, вопрос о том, что мог делать сын Дона Хопкинса с ножом, явно не являвшимся украшением.

Я подождал, пока он скроется за углом, а затем бегом бросился к своей машине и поехал в другую сторону.

Глава 6

Употребив небольшое количество денег и лишь чуть-чуть лести, я получил к себе в номер видеомэгнитофон. То ли отель оказался лучше, чем я думал, то ли мое выступление в баре убедило местное руководство, что я из тех постояльцев, к чьим нуждам стоит относиться с вниманием. Со все возрастающим нетерпением я дождался, когда некий тупой как пробка парень закончит возиться с очень простым подключением всех кабелей, после чего выставил его за дверь.

Достав из кармана видеокассету, я тщательно ее осмотрел. На ней не было никаких надписей. Судя по количеству ленты на катушке, она работала минут пятнадцать – двадцать, самое большее полчаса.

Я подождал, пока мне в номер принесут кофе – мне просто не доставало его как элемента обстановки. Наконец кофе принесли, все еще достаточно теплый. Удивительно, но жареная картошка к нему не прилагалась.

Я вставил кассету в аппарат.

В течение четырех секунд на экране не было ничего, кроме помех.

Затем слышался шум ветра, и появилось изображение высокогорного пейзажа. Вдали, словно на открытке, тянулись покрытые снегом вершины – слишком недолго для того, чтобы их можно было узнать. Передний план представлял собой покрытый снегом ровный склон, на котором стояло мрачного вида здание – явно не кафе и не магазин лыжного снаряжения. Вокруг не было ни души, небольшая автостоянка пустовала. Не сезон. Камера переместилась, показывая еще одно здание, административного вида, и тяжелые серые тучи над ним. Картинка держалась несколько секунд, слышалось хлопанье на ветру чьего-то рукава.

Затем изображение сменилось, показав внутренность здания. Камера была расположена низко, словно снимали из укрытия, и сцена длилась лишь пару секунд. Я перемотал пленку и поставил ее на паузу. Видеомагнитофон был не из лучших: картинка дергалась на экране, но я смог различить нечто вроде базы для лыжников, с высоким потолком. Вдоль одной стены тянулась длинная стойка, вероятно портье, но сейчас там никого не было. На стене позади нее висела большая картина, обычная чушь, сотворенная высокооплачиваемым, но явно обделенным талантом мошенником. Слева виднелся край высокого камина, сложенного из речного камня. Красочные языки пламени создавали уютную атмосферу. Коричневые кожаные кресла были аккуратно расставлены вокруг низких кофейных столиков, каждый из которых украшала лакированная деревянная скульптура, изображавшая почти полностью исчезнувшую природу старого Запада: орел, медведь, индеец.

Я снял ленту с паузы и со второго раза увидел, как кто-то собирается войти в помещение в тот самый момент, когда закончилась сцена. На стене промелькнула неясная тень, слышались чьи-то шаги по каменному полу.

Затем изображение вновь переместилось наружу, на автостоянку. Видимо, с первой съемки прошло некоторое время – если предполагать, что она вообще делалась в тот же день. Ветер утих, небо стало чистым и ярко-голубым. Средний план того самого здания, которое, судя по всему, я только что видел изнутри. Перед ним на снегу стояли несколько человек – семь или восемь, хотя точно сказать было трудно, так как все они были в темной одежде и стояли близко друг к другу, словно беседуя. Я не мог различить ни одного лица и не слышал ничего, кроме шума ветра; лишь в самом конце тот, кто держал камеру, произнес короткую фразу. Я прослушал ее трижды, но так и не сумел разобрать.

А потом, когда одна из фигур начала поворачиваться к камере, по экрану снова пошли помехи.

Я остановил ленту, уставившись на дергающуюся картинку на экране. Что делать с тем, что я только что увидел, я не имел ни малейшего понятия; в любом случае, это оказалось совсем не то, чего я ожидал. Судя по качеству изображения, оно было снято с помощью цифровой видеокамеры – но ничего подобного я в доме родителей не видел. Видео могло быть снято практически где угодно: в центральной или северной части Скалистых гор, в Айдахо, Юте или Колорадо; однако вполне вероятно, что место это находилось где-то в Монтане, и, может быть, даже недалеко отсюда. Подобные места были мне хорошо знакомы. Жилые комплексы для богатых, самая красивая в окрестностях местность, окруженная частными владениями, так что богачи могли спокойно кататься на лыжах, не опасаясь наткнуться на кого-нибудь со средними доходами. Некоторые нанимали охрану, но большинство в ней даже не нуждалось. Стоило лишь перешагнуть границу, и сразу становилось ясно, ждут ли тебя здесь. Любой замышлявший кражу со взломом тут же постарался бы незаметно ускользнуть, потрясенный до глубины души.

Вероятно, мои родители знали тех, кто обзаводился домами, откуда можно было прямо из дверей выкатиться на лыжную трассу. Возможно, они даже продавали им эти дома. И что с того?

Я снова пустил воспроизведение.

Послышался шум. Музыка, крики, громкий разговор. Размытые очертания чьего-то хохочущего лица, почти вплотную к камере. Еще через пару кадров появился бар, в котором гуляла шумная компания. Вдоль одной стены тянулась длинная стойка, уставленная бутылками, и зеркало позади нее. Вокруг стояли группами мужчины и женщины, что-то крича друг другу, бармену и просто в потолок. Большинство выглядели молодыми, другие явно были среднего возраста. Все, похоже, курили, и в тусклом темно-желтом свете плавали клубы дыма. Стены были увешаны разноцветными и черно-белыми плакатами. В углу орал музыкальный автомат, настолько громко, что звук искажался как в его громкоговорителях, так и в микрофоне камеры, так что я не мог даже понять, какая песня играет.

Очевидно было, что действие происходит намного раньше, чем сцена в начале ленты. Не только из-за того, что видео выглядело так, будто его переписали с узкоплечного фильма, но и одежда его участников – если, конечно, это не была некая ретровечеринка с полным соблюдением подлинности – явно принадлежала к началу семидесятых. Ужасные цвета, ужасные джинсы, ужасные прически. Моя реакция, вероятно, была примерно такой же, какая могла быть у их родителей: кто эти чужаки? Чего они хотят? И неужели они слепы?

Камера, покачиваясь и наклоняясь из стороны в сторону, двигалась вдоль бара – судя по всему, снимавший то ли находился под действием галлюциногенов, то ли попросту был слишком пьян. В какой-то момент изображение сильно накренилось, словно он чуть не упал. За этим последовал громкий и продолжительный звук отрыжки, перешедший в отчаянный приступ кашля; камера в это время показывала кусок залитого пивом пола. Потом изображение снова дернулось вверх и понеслось с такой скоростью, словно камера была привязана к бамперу автомобиля. Я слегка поднял в замешательстве брови, пытаюсь избавиться от мысли о том, что, возможно, снимал мой отец. Некоторые махали рукой или смеялись, когда камера проходила мимо, но никто ни разу не выкрикнул ни одного имени.

Затем камера неожиданно свернула за угол, открыв продолжение бара, где повсюду стояли и сидели люди. Посередине был бильярдный стол. Какой-то тип склонился по другую его сторону, готовясь нанести удар. Крупный, с большим

носом и с почти полностью скрытым волосами, усами и бакенбардами лицом он напоминал облезлого медведя. Позади него покачивалась длинноволосая блондинка, опираясь на кий так, словно тот был единственным, что не давало ей упасть. Она отчаянно пыталась сосредоточиться на игре, но, судя по всему, ей это не удавалось. Впрочем, ее партнер, похоже, чувствовал себя не многим лучше и никак не мог как следует прицелиться. У ближней стороны стола стояла еще одна пара, оба с киями в руках, повернувшись спиной к камере и обнимая друг друга за талию. У обоих были длинные каштановые волосы. На девушке – свободная белая блузка и длинная темно-красная юбка в зеленый горошек, на мужчине – запятнанные брюки клеш из грубой ткани и кожаная безрукавка мехом наружу.

Блондинка подняла голову от стола и встретила взглядом с камерой. Издав восхищенный возглас, она ткнула в объектив пальцем – удивительно точно, но при этом крайне неуверенно, словно выбирала между тремя разными картинками и забыла, на какую именно собиралась показать. Мужчина у бильярда поднял взгляд, закатил глаза и снова вернулся к так и не завершённому удару. Пара брюнетов повернулась кругом, и я понял, что ошибся в своих предположениях.

Камеру держал в руках вовсе не мой отец. Сейчас это можно было с уверенностью сказать, поскольку вышеупомянутая пара оказалась моими родителями.

Пока я смотрел на экран, открыв рот, отец криво ухмыльнулся и выставил перед камерой средний палец. Мать высунула язык. Камера резко сместилась от них в сторону игрока в бильярд, который наконец ударил по шару и промахнулся.

Я нажал на паузу и перемотал пленку немного назад.

Мои родители повернулись кругом. Отец ухмыльнулся и выставил средний палец. Мать высунула язык.

Я снова нажал на паузу и уставился на экран.

Моя мать никогда не была крупной женщиной, но и особо стройной не была тоже и двигалась с грацией лайнера на буксире. Женщина, которую я видел перед собой, весила около ста двадцати фунтов, и вес этот весьма удачно был распределен по ее фигуре. Даже еще толком не осознав, о чем я думаю, я понял,

что если бы я вошел в бар и увидел ее вместе с другим парнем, немедленно завязалась бы драка. Рядом с такой женщиной можно было почувствовать себя настоящим самцом. Впрочем, нельзя сказать, чтобы отец не смог постоять за себя; он выглядел чуть тяжелее, чем я всегда его помнил, но двигался легко и весьма элегантно. Из него вполне мог бы получиться хороший актер. Они выглядели прекрасной парой, настоящими, живыми людьми, которые любили друг друга и занимались сексом. Но самое главное – они выглядели молодыми. Удивительно молодыми.

Сцена продолжалась еще минут пять. Ничего особенного не происходило, если не считать того, что я увидел, как играл в те времена в бильярд мой отец. А играть он умел. По-настоящему. Когда человек-медведь промахнулся и, шатаясь, отошел от стола, отец отвернулся от камеры и склонился над сукном. Он даже не стал обходить стол, чтобы выбрать лучшую позицию, он просто ударил по ближайшему шару. Шар упал в лузу. Отец начал медленно перемещаться вокруг стола, глядя на него с безразличным видом человека, который собирается положить все шары в лузы и именно с этим намерением подошел к столу. Следующий шар тоже попал в цель, прокатившись около фута вдоль борта, и следующий за ним – словно оттолкнувшись от куска резины. Мать с радостным возгласом хлопнула его по задку. Красивым двойным ударом положив шар в центральную лузу, он толкнул кием лежавший посреди стола последний шар и отошел, даже не дожидаясь, когда тот упадет. Игра закончилась.

Он подмигнул медведеподобному, который снова закатил глаза. Так же как тот привык к наглости человека с камерой, он, судя по всему, привык и к тому, что отец с разгромным счетом обыгрывал его в бильярд. Все было как всегда. Эти люди очень хорошо друг друга знали.

Ничего особенного не происходило, если не считать того, что мать начала танцевать с блондинкой, а потом пустилась в пляс, выбрасывая в разные стороны руки и ноги и щелкая пальцами. Я встречал подобное в фильмах, по телевидению, в исполнении профессиональных танцоров. Но никогда по-настоящему, пока не увидел, как это делала моя мать, отбивая чечетку в такт музыке, приоткрыв рот и полузакрыв глаза.

Я вдруг обнаружил, что думаю о ней как о по-настоящему крутой девушке.

Ничего особенного не происходило, если не считать того, что, пока «медведь» старательно устанавливал шары в центре стола, отец снова сел на табурет у

стойки и сделал несколько глотков пива. Мать, все еще продолжавшая танцевать, подмигнула ему, а он подмигнул ей в ответ; я понял, что они не настолько пьяны, как все остальные в баре. Они проводили время в свое удовольствие, но у них была работа, и они прекрасно осознавали, что утром в понедельник им вновь придется к ней вернуться. Если подумать, то, вероятнее всего, отец уже тогда был риелтором, несмотря на кожаную меховую безрукавку и прохудившуюся футболку. Несколько лишних фунтов вовсе его не портили. Ширина его плеч вполне соответствовала весу, и он выглядел скорее мощным, нежели толстым. Еще немного – и он вполне мог начать терять форму, но в тот момент он просто выглядел кем-то, на кого не стоило случайно наткнуться, если он шел навстречу с подносом, уставленным пивными кружками. Однако заметно было, что лишний вес он начал набирать недавно и чувствовал себя из-за этого несколько неуютно. Он то и дело отводил назад плечи, явно их разминая, но, кроме того, как я подозревал, еще и для того, чтобы удостовериться, что держит их ровно. Позднее он начал заниматься бегом трусцой и упражнениями в тренажерном зале и никогда больше так не выглядел. Но почему-то, сидя в номере отеля в Дайерсбурге и наблюдая, в общем-то, безобидную картину, я вдруг испытал странное чувство, будто кто-то несильно ткнул меня в живот.

Закурив сигарету – я даже не знал, что он когда-то курил, – он рассеянно приподнял футболку на груди и снова ее отпустил, так чтобы она лучше улеглась на его едва заметном брюшке. Я перемотал пленку немного назад и снова проиграл эту сцену, а потом еще раз, наклонившись вперед и прищурившись. Движение было безошибочным. Я сам порой так делал. Это был жест человека, осознававшего собственное тело и его недостатки, даже среди веселой вечеринки. Он явно уже делал так и прежде, но это еще не вошло в привычку настолько, чтобы превратиться в некую причуду. И еще в большей степени, чем сама его футболка, пивные кружки и радостные возгласы вокруг, чем танец моей матери и тот факт, что отец явно когда-то отлично владел бильярдным кием, этот маленький жест делал непостижимой мысль о том, что теперь их нет в живых.

Шары наконец вновь расставили на столе, и отец встал, приготовившись разбить пирамиду с таким видом, словно шару-битку предстояло запомнить этот удар на всю его короткую шарообразную жизнь. Неожиданно в этот момент сцена оборвалась, как будто в камере закончилась пленка.

Прежде чем я успел снова нажать на паузу, изображение сменилось другим.

Совершенно другая обстановка. Дом. Гостиная – темная, освещенная свечами. Картинка была тусклой, оптика явно не справлялась со слабым светом. Тихо играла музыка, и на этот раз я узнал мелодию из звуковой дорожки к фильму «Волосы». На полу стояли винные бутылки разной степени полноты и несколько переполненных пепельниц.

Мать полулежала на низкой кушетке, напевая в такт мелодии, а на коленях у нее лежала голова «медведя», который сворачивал у себя на груди самокрутку.

– Поставь про педиков, – невнятно пробормотал он. – Поставь.

Камера плавно переместилась в сторону, показав еще одного мужчину, лежавшего ничком на полу. Позади него сидела блондинка, глядя на аккуратный ряд свечей в блюдах, разложенных у него на спине. Очевидно, он уже достаточно долго пребывал в бесчувственном состоянии, чтобы его можно было считать мебелью, и я предположил, что это тот самый, который снимал в баре. Девушка медленно и непредсказуемо наклонялась вперед, удерживаясь в сидячем положении исключительно усилием воли. Теперь стало заметно, что она старше, чем казалось раньше, – явно лет двадцати пяти, может быть даже тридцати, и выглядела из-за этого несколько неуместной в подобной сцене. Я понял, что если я наблюдаю события начала семидесятых, то моим родителям должно быть примерно столько же.

Это означало, что я уже родился.

– Поставь, – продолжал настаивать «медведь», и камера резко придвинулась к его лицу. – Поставь.

– Нет, – со смехом произнес голос совсем рядом с микрофоном, подтвердив мое предположение о том, что сейчас камеру держит в руках мой отец. Ему это удавалось намного лучше, чем тому, который теперь валялся на полу. – Мы уже слушали эту песню миллион раз.

– Потому что она клевая, – энергично кивнув, заявил «медведь». – Про то, как там... а, черт!

Камера отъехала назад, показывая, что он уронил самокрутку. Вид у него стал совершенно потерянный.

– Черт. Опять все сначала. Я этот косяк всю мою жизнь пытаюсь забить. С тех пор как родился. Его еще гребаный Томас Джефферсон начал забивать и оставил мне завещание. Мол, я могу либо забить косяк до конца, или получить его усадьбу Монтичелло. К черту усадьбу, сказал я, хочу травку. И всю свою жизнь я забивал этот косяк, как честный слуга. А теперь его больше нет.

– Больше нет, – повторила блондинка и захихикала.

Продолжая напевать в такт мелодии и не пропустив ни единой ноты, мать наклонилась и взяла принадлежности из трясущихся лап «медведя». С видом знатока держа бумагу в одной руке, она разровняла на ней указательным пальцем табак и потянулась за наркотиком.

– Забей косяк, Бет, – шумно радовался «медведь», явно воодушевленный подобным поворотом событий. – Забей, забей, забей.

Камера показала крупным планом самокрутку, затем снова отъехала назад. Все было уже почти готово.

К этому времени у меня глаза чуть не вылезли на лоб. Моя мать только что забила косяк марихуаны.

– Поставь, – продолжал упрашивать «медведь». – Поставь песню про педиков. Давай, Дон, старина Дон, поставь ее, Дон, поставь.

Мать продолжала напевать.

Камера развернулась и вышла из комнаты в коридор. На полу лежала куча небрежно брошенных пальто. Я увидел кухню слева и лестницу справа и понял, что это наш старый дом, в Хантерс-Роке. Мебель и обстановка полностью отличались от тех, что я помнил, но помещения были теми же самыми.

Широко раскрытыми глазами я смотрел, как камера движется через холл, а затем начинает подниматься по лестнице. На мгновение наступила темнота, лишь снизу слышался приглушенный голос «медведя», который ревел, даже не пытаясь попасть в тон:

– Педерастия... содомия... фелляция... куннилингус...

Отец поднялся на верхнюю площадку и ненадолго задержался, что-то бормоча себе под нос. Потом снова двинулся вперед, и я, вздрогнув, понял, куда он направляется. Внизу теперь наступила тишина, и слышалось только его дыхание и тихое шуршание ног по ковру. Отец открыл дверь в мою комнату.

Сперва было темно, но постепенно в просачивающемся с площадки свете стало можно различить мою кровать возле стены и спящего в кровати меня. Вероятно, мне было лет пять. Видна была лишь макушка, часть щеки, на которую падал свет, и кусочек плеча в темной пижаме. Стена была зеленого цвета, а ковер – коричневым, какими они и были всегда.

Отец постоял минуты две, не говоря ни слова и не двигаясь с места, – просто держал камеру и смотрел на меня спящего.

Я тоже сидел и смотрел, едва дыша.

Доносившийся с кассеты звук изменился, словно внизу заиграла другая мелодия. Послышались чьи-то тихие шаги по ковру, затем смолкли, и я понял, даже еще ничего не видя и не слыша, что мать теперь стоит рядом с отцом.

Камера еще несколько мгновений показывала мальчика в кровати – меня. Потом она медленно сместилась влево. Сперва я предположил, что они уходят, но потом понял, что камеру просто развернули в другую сторону.

Повернувшись на сто восемьдесят градусов, камера остановилась.

Родители смотрели прямо в объектив. Лица их полностью заполняли кадр, и никто из них не выглядел пьяным или обкуренным. Казалось, они смотрят прямо на меня.

– Привет, Уорд, – тихо сказала мать. – Интересно, сколько тебе сейчас лет?

Она бросила взгляд за камеру, вероятно на спящего мальчика.

– Интересно, сколько тебе сейчас лет? – повторила она, и в голосе ее прозвучала грусть.

Отец продолжал смотреть в камеру. Он был лет на пять, может быть шесть, младше, чем я сейчас. Тихо, но без особой любви во взгляде он произнес:

– А мне интересно, кем ты стал.

Шум и помехи. Кто-то прошел мимо двери номера, катя тележку.

Я не остановил ленту. Я не в силах был пошевелиться.

Последняя сцена тоже была снята узкоплечной камерой, но цвета выглядели более блеклыми, размытыми, будто выцветшими. По всему экрану мелькали темные полосы и пятна, из-за чего изображение казалось отдаленным, а движения – медленными и неторопливыми.

В большое окно светит ярко-желтое солнце. За окном быстро проносятся деревья, сливаясь в зеленую полосу. Слышен размеренный стук колес поезда и какой-то еще тихий звук, которого я не смог разобрать.

Лицо моей матери, еще более молодое. Волосы у нее на этот раз короче и лоснятся от лака. Она глядит в окно на пролетающий мимо пейзаж. Повернула голову, смотрит в камеру. Взгляд ее словно устремлен куда-то далеко. Она слегка улыбается, и камера медленно опускается.

Внезапная смена кадра – широкая городская улица. Я не мог понять, где именно, и мое внимание привлекли формы и окраска припаркованных у обочин автомобилей, а также одежда на немногочисленных прохожих. Машины отличались особым стилем, чего нельзя было сказать о костюмах, платья же были достаточно короткими. Я не слишком разбирался в подобных вещах, чтобы отнести их к какому-то определенному времени, но предположил, что это где-то конец шестидесятых.

Камера двинулась вперед со скоростью пешехода. В левой части кадра то и дело появлялся затылок моей матери, словно отец шел позади нее, чуть правее. Непонятно было, что именно он снимает, – улица не представляла особого интереса. Справа находилось нечто вроде универмага, слева – небольшой сквер. Деревья были покрыты листвой, но она выглядела увядшей. Камера держалась на одной высоте, не смещаясь ни вверх, ни вниз, ни в стороны. Они не пытались обратить на что-либо внимание друг друга, более того, вообще не говорили ни слова. Чуть позднее они перешли через дорогу и свернули на пересекавшую ее улицу.

Кадр снова сменился. Улица стала чуть уже, – возможно, она находилась дальше от центра города. Похоже, что родители поднимались по склону крутого холма. Мать шла перед камерой, и ее было видно, начиная от плеч. Неожиданно она остановилась.

– Может, здесь? – спросила она, оборачиваясь, и я увидел на ней делового вида темные очки.

Камера на мгновение накренилась, словно отец отвел взгляд от объектива, оглядываясь вокруг.

– Чуть дальше, – слышался его голос.

Они снова пошли вперед и шли так около минуты, затем остановились опять. Камера описала круг, показав быструю панораму холмистого города, высокие здания по обеим сторонам улицы. Судя по вывескам, первые этажи занимали продуктовые магазины и дешевые рестораны, но окна верхних явно были окнами квартир. На тротуарах у витрин стояли люди в шляпах, оценивающе разглядывавшие товар; другие входили и выходили из дверей магазинов. Оживленный район, обитатели которого спешили домой на обед.

Мать обернулась к камере и кивнула, словно с некоторой неохотой.

Новый кадр – снятый чуть позже, слегка с другой точки, но на вершине того же самого холма. Если до этого светило утреннее солнце, то теперь тени удлиннились. Близился вечер, и улицы почти опустели. Мать стояла, опустив руки. Откуда-то сбоку донесся странный всхлипывающий звук, и я понял, что он похож на тот, который я слышал в поезде.

Камера слегка шевельнулась, как будто отец протянул руку, чтобы к чему-то прикоснуться. Затем мать слегка переместилась вперед, или он отступил назад. Послышался резкий выдох отца.

А потом, тридцать пять лет спустя – мой собственный.

Мать держала за руки двоих маленьких детей, одного и того же возраста и одинаково одетых, хотя на одном был синий свитер, а на другом желтый. Им было чуть больше года, может быть полтора, и они неуверенно стояли на ногах.

Изображение детей в кадре приблизилось. Волосы одного были коротко подстрижены, у другого чуть длиннее. Лица нельзя было отличить друг от друга.

Камера снова отодвинулась. Мать отпустила руку одного из детей – с более длинными волосами и в желтом свитере, с маленьким зеленым ранцем на спине – и присела рядом с другим.

– Скажи «до свидания», – попросила она. Ребенок в синем свитере неуверенно посмотрел на нее непонимающим взглядом. – Скажи «до свидания», Уорд.

Двое детей посмотрели друг на друга. Потом ребенок с короткими волосами, тот, который был мной, снова обернулся к матери, ища поддержки. Она взяла мою руку и подняла ее.

– Скажи «до свидания».

Она помахала моей рукой, затем взяла меня на руки и встала. Второй ребенок посмотрел на мать и с улыбкой протянул руки, чтобы его тоже подняли. Я не мог с точностью сказать, мальчик это или девочка.

Мать зашагала по улице – размеренно, не спеша, но не оглядываясь назад. Камера оставалась направленной на второго ребенка все время, пока отец спускался следом за матерью с холма, где того так и оставили.

Ребенок молча стоял на вершине холма, все больше отдаляясь от камеры. Он даже ни разу не заплакал – по крайней мере до тех пор, пока не оказался

настолько далеко, чтобы уже ничего нельзя было услышать.

Затем камера свернула за угол, и ребенок исчез.

Изображение вновь сменилось помехами, и на этот раз ничего больше не последовало. Через минуту лента сама остановилась, а я продолжал сидеть, тупо таращась на собственное отражение в экране.

Нашарив пульт, я перемотал ленту назад и, поставив ее на паузу, уставился на застывшую картинку брошенного на холме ребенка, прижав руки ко рту.

Глава 7

Люк открылся, и сверху заструился тусклый свет.

– Привет, дорогая, – сказал незнакомец. – Я вернулся.

Сара не видела его лица, но, судя по звуку голоса, он, похоже, сидел на полу за ее головой.

– Привет, – ответила она, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно более ровно.

Ей хотелось отползти от него, пусть хотя бы на дюйм, но она не могла сделать даже этого. Она изо всех сил старалась сохранять спокойствие, делая вид, будто происходящее ее совершенно не волнует.

– Как вы сегодня себя чувствуете? Все так же с головой не в порядке?

Мужчина негромко рассмеялся:

– Тебе все равно меня не разозлить.

– А кто собирается вас злить?

– Тогда зачем говоришь такое?

– Мои мама и папа будут очень волноваться. Я боюсь. Так что могу вести себя и не совсем вежливо.

– Понимаю.

Он замолчал. Сара ждала, когда он заговорит снова.

Минут через пять она увидела руку, тянущуюся к ее лицу. В руке был стакан с водой. Без всякого предупреждения мужчина медленно наклонил его. Она вовремя успела открыть рот и выпила столько, сколько смогла. Рука снова исчезла.

– Это все? – спросила она, ощущая во рту странное чувство чистоты и влаги.

У воды был такой вкус, какой, как она всегда полагала, должен был быть у вина, судя по тому, какое значение придавали ему взрослые, перекатывая его во рту, словно это было лучшее, что они когда-либо пробовали. На самом деле, по ее собственному опыту, вкус вина казался ей каким-то неправильным.

– А чего ты еще ожидала?

– Если вы хотите, чтобы я осталась жива, то должны дать мне не только воды.

– С чего ты взяла, что я хочу оставить тебя в живых?

– Потому что иначе вы убили бы меня на месте и посадили где-нибудь голую, чтобы смотреть на меня и драть.

– Так нехорошо говорить.

– Я уже вам сказала. Мне тут не очень приятно, а вы – псих, так что говорю, что хочу.

– Я не псих, Сара.

– Не псих? А как вы себя назовете? Не такой, как все?

Он снова рассмеялся:

– О да, конечно.

– Не такой, как все, – как тот гребаный Тед Банди?[12 - Тед Банди – американский серийный убийца, специализировавшийся на убийствах молодых женщин в 1970-е гг. Казнен на электрическом стуле.]

– Тед Банди – идиот, – ответил незнакомец уже без какой-либо иронии. – Выдающийся придурок и обманщик.

– Ладно, – сказала она, пытаясь его умиротворить, хотя ей лично казалось, что он не только псих, но и строит из себя шишку на ровном месте. – Извините. Мне он тоже не особо нравится. Вы намного лучше. Так вы дадите мне поесть или как?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Гарт Брукс (р. 1962) – американский рок-певец, выступающий в стиле кантри. – Здесь и далее примеч. ред.

2

Фрэнк Ллойд Райт (1867–1959) – один из крупнейших архитекторов XX в.;
Талисин – спроектированный Ф. Л. Райтом собственный особняк в штате
Висконсин.

3

«Дикси-чикс» – известное техасское дикси-трио.

4

«Блонди» – американская рок-группа, начавшая музыкальную деятельность в
1970 г.; Дэвид Боуи (р. 1947) – звезда и ветеран рок-музыки XX в.; Брюс
Стрингбин – знаменитый кукольный персонаж, пародирующий американского
рок-певца Брюса Спрингстина; Молли Рингуолд (р. 1968) – американская
киноактриса; «Мондриан» – цветомузыкальная установка, названная по имени
художника П. Мондриана (1872–1944).

5

Названный по имени английского философа и математика Джона Венна
(1834–1923) графический аппарат диаграмм, эквивалентный логике классов –
разделу логических теорий, в котором изучаются операции над классами
(множествами) и свойства этих операций.

6

Дана Скалли (исп. Джиллиан Андерсон) – спецагент ФБР из телесериала «Секретные материалы».

7

«Мэйник стрит причерс» – английская рок-группа, созданная в 1990 г. и выступающая в стилях панк-рок и альтернативный рок.

8

«Баффи, истребительница вампиров» и «Ангел» – популярные телесериалы, известные и российскому телезрителю.

9

Хью Грант (р. 1960) – английский актер. Самые известные фильмы: «Горькая луна» (1992, реж. Р. Полански), «Четыре свадьбы и одни похороны» (1994, реж. М. Ньюэлл) и др.

10

Здесь: приличествующее обстановке (фр.).

11

«Симпсоны» – популярный американский юмористический мультсериал.

12

Тед Банди – американский серийный убийца, специализировавшийся на убийствах молодых женщин в 1970-е гг. Казнен на электрическом стуле.

Купить: https://tellnovel.com/ru/marshall_maykl/solomennye-lyudi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)